

Миллиардер

Автор:

Питер Джеймс

Миллиардер

Питер Джеймс

Миллионерами мечтают стать многие, но только не брокер Алекс Рок. Его цель – заработать миллиард. Амбициозный молодой человек не боится играть по-крупному, однако блестящий план, который должен был принести ему желанное богатство, оказывается связан с гораздо большим риском, чем он рассчитывал. Рок даже не подозревает, какую роль ему предстоит сыграть в крупной политической авантюре, от которой зависит судьба целых государств и сама мировая стабильность. Удастся ли ему уцелеть и не пасть жертвой интриг сильных мира сего? События развиваются так стремительно, что у Алекса просто нет времени беспокоиться из-за ревнивого бывшего бойфренда своей девушки. Но именно этому на первый взгляд невзрачному и неприметному человеку предстоит решить его судьбу...

Питер Джеймс

Миллиардер

© Really Scary Books / Peter James, 1983

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Посвящается Алексу, Дебби и Кэти

Хочу поблагодарить за неоценимую помощь мою жену Джорджину, Алекса Хита, Гэри Монникендама, Лина Коулмана, Джеки Эдвардс, Сью Анселль, Рене-Джин Уилкин, Пола Лонгмора и Джесси (за то, что сгрыз не всю рукопись)

Как приятно иметь деньги!

Артур Хью Клаф (1819-1861)

Предисловие

Говорят, выбрать удачный момент – залог успеха. Важно оказаться в нужное время в нужном месте. Во всяком случае, у меня есть хорошие основания в это верить. Со своей женой Ларой я познакомился во Франции, во время поездки на фуникулере. Если бы один из нас сел в другую кабинку – а они ходили с интервалом в полминуты, – мы бы, возможно, так никогда и не встретились.

Часто думал: а вдруг причина, по которой «Миллиардер» и два моих предыдущих романа, «Шпионский тайник» и «Ангел атомной бомбы», выпущенные в начале восьмидесятых, не произвели фурора, – именно неудачный момент? Есть всего два возможных объяснения – либо так и обстоит дело, либо эти книги не совсем... как бы поделikatнее выразиться... Увы, подозревал, что второй вариант ближе к правде. Вот почему эти романы не переиздавались тридцать лет. Но от моих замечательных читателей приходило много писем с жалобами – цены на оригинальные издания на eBay подскочили настолько, что книги стали просто безобразно дорогими. В конце концов уступил и согласился, чтобы в свет вышли новые издания.

Но для начала позвольте сказать несколько слов в свою защиту. Прежде всего – об удачных моментах. Сколько себя помню, больше всего на свете мечтал стать писателем. В возрасте восьми лет начал записывать свои мысли в красную тетрадь, которую держал возле кровати. Недавно наткнулся на эту тетрадь

на дне старого чемодана и обнаружил множество глубокомысленных перлов вроде: «Жизнь – как миска с заварным кремом. Звучит хорошо и сладко, но главное – в него не упасть». Спрятал тетрадь обратно на дно чемодана – там ей и место!

В юности написал три романа, один из которых, по моему убеждению, обречен был стать новой британской классикой. Все три пылятся в том же чемодане – где и останутся, пока их не съедят мыши. Однако благодаря «новой классике» обзавелся литературным агентом в Нью-Йорке, когда мне было всего двадцать лет. Для меня это было огромным событием. Подумать только – кто-то в издательском мире поверил в меня!

Потом лет десять писал сценарии и занимался продюсированием фильмов и телепрограмм. Например, комедия «Шпанская мушка» с Тэрри Томасом и Лесли Филипсом в главных ролях – моих рук дело. Именно про этот фильм известный кинокритик Барри Норман сказал в своей программе на Би-би-си: «Наверное, самая несмешная британская комедия за всю историю нашего кино и, без сомнения, худший британский фильм, снятый после Второй мировой войны». Услышав этот нелестный отзыв, моя тогдашняя жена спросила: «Когда же ты наконец напишешь этот свой роман, о котором все время твердишь?»

На той же неделе в газете «Таймс» опубликовали статью, в которой говорилось, что на книжном рынке не хватает шпионских триллеров. Решил испытать свои силы. Так появился «Шпионский тайник». К моему величайшему удивлению, книгу согласилось напечатать крупное британское издательство WH Allen. Но еще больше удивился, когда оказалось, что книга совсем не продается! Контракт был на две книги, поэтому написал второй шпионский триллер, «Ангел атомной бомбы». И снова такие же низкие продажи!

В издательстве поспешили заверить, что проблема не в отсутствии у меня литературных способностей. Нет, все дело в неудачном моменте. Виноват Михаил Горбачев со своими перестройкой и гласностью. Советский Союз вот-вот должен был распасться, и до падения Берлинской стены оставалось всего несколько лет. Заканчивалась эра, когда русских принято было считать плохими парнями, поэтому шпионские триллеры больше никого не интересовали. По крайней мере, так мне объяснили сотрудники издательства.

Нужно было искать другую нишу. Что-то, что соответствовало бы духу восьмидесятых и могло привлечь внимание более широкого круга читателей. Рассудил, что самая подходящая тема – деньги. Тогда все были буквально одержимы деньгами. Наступила эра богачей, «порше» и шампанского рекой. Эпоха потребления, достигшего небывалых масштабов. Фразу, наиболее точно выражающую тогдашние настроения, произнес герой фильма «Уоллстрит» Гордон Гекко в исполнении Майкла Дугласа: «Алчность – это хорошо». Так и родился мой третий роман, «Миллиардер», – история о жадности, амбициях, деньгах и успехе, приправленная изрядной долей секса и шпионских страстей. Возможно, к тому времени, когда роман увидел свет, люди уже пресытились книгами и фильмами на тему денег и алчности. А может – подозреваю, это предположение гораздо ближе к правде, – на этой книге я просто совершенствовался, оттачивал мастерство. Поэтому, дорогие читатели, прошу принять во внимание это обстоятельство и проявить снисхождение!

В качестве постскрипума хочу упомянуть о смягчающих – хотя бы отчасти – обстоятельствах. В 2014 году был переиздан роман «Шпионский тайник». Никак не ожидал, что книга займет четвертое место в списке бестселлеров, по версии газеты «Санди таймс». И уж совсем не рассчитывал на то, что в мае 2015 года роман выйдет на первое место в России!

Вот видите: главное – выбрать удачный момент!

Питер Джеймс Сассекс

Глава 1

Из всех автомобилистов, ехавших в восточном направлении по шоссе М4 неподалеку от лондонского аэропорта Хитроу, двое вели машину особенно неаккуратно. Один потому, что вообще был неважным водителем. Второй же обычно водил хорошо, но сейчас его отвлекала молодая блондинка на соседнем сиденье, пытавшаяся стянуть с него брюки.

Жаркий летний день в начале июня, времени – пять минут второго. Оба водителя опаздывали. Первый спешил в офис в лондонском Сити. Второй должен был убрать одного не очень важного человека.

– Шевелись, придурок! С дороги! – Бенхакер со всей силы давил на центр руля, сигналив зазевавшемуся водителю. – Уснул ты там, что ли?

Он посигналил еще пару раз – долго, по несколько секунд подряд. При этом так нажимал на руль, что узкий металлический ободок впивался в ладонь.

– Ах ты, свинья! – наконец сделал вывод Бенхакер.

Включил фары, выключил и опять включил. Впрочем, при ярком солнечном свете эти манипуляции остались почти незамеченными. Впереди стоящий «порше» цвета металлик отразил только слабые отблески. Бенхакер сердито щелкнул кнопкой, выключая свет фар.

– Козел! – проорал он в лобовое стекло, хотя прекрасно понимал, что толку от его воплей никакого. Снова принялся жать на выключатель, но тут кнопка отвалилась и осталась у него в руке. Бенхакер попытался вставить ее на место, но уронил, и сейчас она болталась где-то под ногами. Бенхакер поглядел на часы – пять минут второго. Он опаздывал больше чем на полчаса, а ведь еще даже мимо аэропорта Хитроу не проехал. Мало того – изволь вдобавок ползти за этим недоумком на «порше», который тащится по скоростной полосе, будто черепаха. Бенхакер снова принялся сигналить, на этот раз еще громче и продолжительнее. Теперь он был абсолютно убежден: водитель «порше» преградил ему путь чисто из вредности. От ярости Бенхакер задышал коротко и отрывисто. Покосился на красную полосу на спидометре между сорока и сорока пятью милями в час. Подумал: а может, нарушить правила и обогнать несносного типа справа? Вдруг не остановят? Однако эту идею Бенхакер отмел. Не стоит рисковать, на этом шоссе полицейские на каждом шагу.

Красная краска на «вольво» Бенхакера давно пожухла, да и обивка в салоне истерлась. Однако оба этих факта только лишний раз подтверждали правдивость сотрудников компании, утверждавших, что их продукция служит покупателю долгие годы. К примеру, пробег этого автомобиля составлял сто тридцать семь тысяч миль. С тех пор как машину забрали из автосалона в Кардиффе, она успела сменить шесть владельцев. Но для Бенхакера не имели

значения ни внешний вид, ни выносливость, ни история «вольво». Он приобрел этот автомобиль просто потому, что ничего другого себе позволить не мог. Каждый раз, когда видел молодого человека своего возраста, разъезжающего на роскошной машине, буквально сгорал от зависти. Водителя «порше» Бенхакеру было не видно, но он почему-то сразу решил, что это именно молодой мужчина. А еще решил, что ненавидит этого типа больше всех людей, каких ему доводилось встречать. Бенхакер пока не знал, что через каких-то несколько секунд у него появятся гораздо более веские причины испытывать к мужчине на «порше» неприязнь и его ненависти предстоит усилиться раза в два.

– Ну ты, чмо!.. – рявкнул Бенхакер и в очередной раз надавил на сигнал с твердым намерением не отпускать, пока «порше» не сдвинется с места.

Алекс Рок крепко вцепился в компактное рулевое колесо с тремя спицами. В охлажденном до комфортной температуры воздухе в салоне «Порше-911 Турбо» витали изысканные запахи новенькой кожи и дорогой туалетной воды. Четыре динамика «Блаупункт» выдавали в отличном качестве кристально чистую, объемно звучащую версию песни Элтона Джона – той самой, в которой певец прочувствованно прощался с дорогой из желтого кирпича.

– Прекрати! – возмутился Рок, изо всех сил стараясь увернуться. Оторвав правую руку от руля, застегнул ширинку, но не успел снова взяться за руль, как молния опять оказалась расстегнутой. Вдобавок в левое ухо нырнул язык.

– Твой дружок хочет выйти, – промурлыкала Аманда.

– Ты мне машину вести не даешь!

– А ты притормози.

– Мне надо в офис. Эй!..

В расстегнутые брюки нырнули очень холодные пальцы. Алекс Рок рассеянно скользнул взглядом по какому-то препятствию, видневшемуся на полосе впереди. Мигал оранжевый огонек, предупреждающий водителей, чтобы объезжали преграду. А еще сквозь музыку пробивался какой-то упорный, настойчивый звук. Тут на колени к нему обрушился водопад светлых, мелированных в дорогом салоне волос.

– Ну, хватит уже!

Алекс Рок попытался отодвинуть Аманду локтем. А между тем звук не смолкал. Алекс Рок взглянул на спидометр:

– Что за...

Сорок миль в час. И это на скоростной полосе! Тут Рок почувствовал резкую, острую боль.

– А-а! Ты что там делаешь? – завопил он. – Больно, между прочим!

Рок посмотрел в зеркало заднего вида и увидел прямо за собой мигающий фарами старый «вольво». Рок нажал на педаль газа, и «порше» рванул вперед, перестраиваясь в среднюю полосу.

– Аманда, я очень тебя прошу, сядь прямо. Сейчас мимо нас люди поедут.

– Идиот! – закричал Бенхакер, когда «порше» вдруг проехал вперед и, будто дразня его, перестроился в среднюю полосу. Сразу понятно – нарочно издевается. – Ты что вытворяешь? – заорал он и, переключившись на третью передачу, вдавил педаль газа в пол. Ровные пощелкивания двигателя сменились натужным ревом. Сначала догнать «порше» не получалось, но потом соперник вдруг сбавил скорость. Наконец они поравнялись. Воспользовавшись этим обстоятельством, Бенхакер выставил вперед левую руку, с удовольствием показывая придурку неприличный жест. Однако тот, увы, демонстрации не замечал. Взгляд у водителя был какой-то застывший.

– За дорогой следи, кретин! – рывкнул Бенхакер. А потом заметил девушку с пышными светлыми волосами, которая только что полулежала, положив голову на колени водителю, а теперь выпрямилась и с улыбкой что-то сказала.

Бенхакер замер, не в силах отвести взгляд от лица молодой женщины. Его собственное лицо между тем исказила гримаса гнева. Если бы взглядом можно было испепелять в буквальном смысле слова, от парочки в «порше» осталась бы горстка пепла. Ведь именно этой девушке Бенхакер собирался сделать предложение в минувшие выходные. Субботу и воскресенье они

планировали провести за городом. Сегодня был понедельник. Но в прошедший четверг она позвонила и сказала, что поездку придется отложить.

Ее неожиданно позвали на международную конференцию архитекторов в Колони. Бенхакер ни разу не бывал на архитектурных конференциях, однако подозревал, что вряд ли в их программу входят мероприятия подобные тому, что он сейчас наблюдал.

Бенхакер застыл, как громом пораженный. Одними губами произнес:

– Сука.

Голос отказывался слушаться. А девушка его даже не заметила. Тут «порше» снова прибавил скорости. Бенхакер опять посмотрел на дорогу. Меньше чем в пятидесяти футах от «вольво» дорогу преградил грузовик с полным кузовом гудрона. Дорожные работы. Сзади на кузове мигала большая стрелка, указывавшая налево. Когда несешься со скоростью семьдесят миль в час, пятьдесят футов – это совсем близко.

Бенхакер поспешно надавил на тормоз и застыл. «Вольво» занесло вправо, и машина врезалась в центральный разделительный барьер. Левым передним крылом автомобиль ударился о кузов грузовика. Бенхакер чувствовал себя так, будто угодил в парк аттракционов, на какие-то особо экстремальные американские горки. Вот заднюю часть подбросило вверх, и машина начала переворачиваться. Бенхакеру казалось, что происходит это очень плавно, неспешно, будто в кино при замедленной съемке. Первой мыслью Бенхакера было – все, конец. Потом события снова ускорились. Крыша врезалась в асфальт, и лобовое стекло взорвалось колючим дождем осколков, обсыпавшим Бенхакера с ног до головы. Затем машина перевернулась еще раз. Мимо неслись грузовики и легковые машины. Кто-то тормозил, кто-то сигналил. На секунду стало тихо, а потом последовал мощный удар. Все четыре дверцы распахнулись, и внутрь автомобиля ворвался ветер. Машину опять подбросило. Бенхакер уже не понимал, куда его несет. Такое чувство, будто вниз, вниз... Наконец машина остановилась, а самого его швырнуло вперед, да так, что от столкновения треснул руль. Головой Бенхакер пробил то, что осталось по краю лобового стекла.

Он висел вниз головой, навалившись на рулевую колонку. Перед собой Бенхакер видел несколько дюймов мокрой, раскисшей земли и уходящий вниз травянистый склон. Он отдавал себе отчет, что каким-то чудом выжил. Однако

боль была ужасная. Даже не одна, а много разных болей, и все они усиливались. Бенхакер опять запаниковал. Он снова был уверен, что умрет. Чувствовал, как жизнь утекает, будто песок сквозь пальцы, и молча злился на себя. Потом загрустил, но вскоре его снова захлестнула злость, и так по кругу. Бенхакер не хотел умирать. Только не так – в одиночестве, в разбитом «вольво», застрявшем колесом в канаве. Не говоря уже о том, что Аманда и этот придурок на «порше» где-то поблизости. Аманда ведь даже не подозревает, что он здесь. Впрочем, если бы и знала, ей до него все равно нет дела. Бенхакер почувствовал, что отключается. Попытался сопротивляться, но тщетно. Вскоре он потерял сознание.

Возможно, Бенхакеру стало бы гораздо легче, узнай он, что всего через несколько недель высшее начальство отдаст распоряжение выследить и убрать водителя «порше».

Глава 2

Канонерская лодка мчалась вперед, рассекая темные, будто чернила, воды Ормузского пролива, расположенного в устье Персидского залива. Стоял почти полный штиль, если не считать легкого, едва заметного волнения. Шторм, бушевавший без передышки почти два дня, к вечеру наконец улегся.

Командир канонерки Назир Хуз стоял на капитанском мостике рядом с рулевым и смотрел на часы. Половина второго ночи. В пять утра начнет светать, а к шести море заискрится кобальтовой синью. Но сейчас, в темноте, вода казалась чернее нефти – той, что перевозили в супертанкерах. Тех самых супертанкерах, которые им поручено охранять. В среднем через Ормузский пролив проходили три судна в час – и так круглые сутки, семь дней в неделю без перерывов. А покинув пролив, танкеры поворачивали направо, в западном направлении. Тут Назир Хуз заметил, как приближается какое-то небольшое судно – в ночной тьме на расстоянии примерно пяти миль виднелись огни. Судно находилось позади и двигалось под углом относительно их.

Оператор радара поднял взгляд от экрана.

– Вижу объект в трех милях от нас. По правому борту. Медленно продвигается в нашу сторону.

Хуз кивнул. Должно быть, одномачтовая рыбацкая лодка. Ночью в море таких кишит видимо-невидимо. Обычно эти суденышки плохо освещены и ходят как попало. Прищурившись, Хуз выглянул в иллюминатор.

– В скольких милях, Хамуд? В трех?

– Да.

– Ничего не видно. Наверное, опять рыбаки. Но на всякий случай лучше проверить. – Хуз развернулся и приказал: – Рулевой, поворот тридцать градусов по правому борту.

– Есть тридцать градусов по правому борту, сэр, – прозвучало в ответ.

Маневренный корабль с легкостью изменил курс. Хуз выждал несколько секунд, потом распорядился:

– Так держать.

– Есть, сэр. Курс ноль пять градусов.

Взяв бинокль ночного видения, Хуз вышел на палубу. Посмотрел вперед, но ничего не смог разглядеть. Лицо обдувал теплый, легкий ветерок. Подождав пять минут, Хуз снова поднес к глазам бинокль. На этот раз он сумел различить дау – парусную арабскую лодку. Судно, замеченное им прямо по курсу на расстоянии двух миль, было крупным. Причем огни на нем не горели. На всякий случай Хуз отдал приказ, чтобы приготовились стрелять. Когда замечаешь что-то подозрительное во время ночной вахты, лучше не рисковать. Всего на канонерке было четыре орудия – спаренная пулеметная установка MG и двадцатимиллиметровые пушки на носу и корме.

– Малый вперед, – распорядился Хуз. А еще через восемь минут велел включить прожекторы. Яркие лучи восьми галогеновых прожекторов тут же выхватили из тьмы пятьсот ярдов поверхности моря. Несколько секунд спустя темная корма

дау всплыла в центр, точно часть реквизита в зловещей пантомиме. Пулеметы на носу развернулись и нацелились на лодку. Снизив скорость до пяти узлов, канонерка начала осторожно огибать дау по широкой дуге.

Хуз включил громкоговоритель:

– Флот султаната Оман. Поднимитесь на палубу и назовите себя.

Слова, сопровождаемые обычными в таких случаях потрескиваниями, разнеслись над водой. Но на дау никакого движения заметно не было. Когда подплыли поближе, стало видно, что парус изорван в лохмотья, а сломанная мачта накренилась под таким углом, что, похоже, вот-вот готова была обвалиться. Создавалось впечатление, будто на борту никого нет. Однако, когда приблизились к корме, заметили на задней палубе две сидящие фигуры.

– Флот султаната Оман. Вы вошли в территориальные воды Омана. Все, кто находится в трюме, должны немедленно подняться на палубу и назвать себя, – повторил Хуз.

И снова ответом ему было молчание. Тогда Хуз велел рулевому подвести канонерку вплотную к борту дау, чтобы на лодку могли перебраться шесть матросов и главный корабельный старшина. Двое остались, чтобы пришвартовать канонерку к дау, а остальные пятеро спустились в трюм, держа наготове револьверы «уэбли». Через несколько минут старшина поднялся обратно на палубу и доложил Хузу, стоявшему рядом с одним из орудий:

– Два тела в трюме, сэр, и два на палубе. Все мертвы. На них форма израильского флота, сэр.

– Что?..

– Все четверо израильские моряки, сэр.

Израильские моряки? По коже у Хуза пробежал неприятный холодок. Как моряки израильского флота могли оказаться на рыбацкой лодке посреди Персидского залива? Нет, что-то здесь было не так. Ситуация складывалась на редкость неприятная. Нападения пиратов здесь случались нередко. Хузу не раз

приходилось наткаться на суда, вся команда которых была перебита. Но это было совсем другое дело. Перепрыгнув на борт дау, Хуз сам лично внимательно осмотрел все четыре тела. Потом обошел палубу и заглянул в грязную каюту. Никаких признаков атаки, только на четырех тарелках красовались недоеденные остатки ужина – на редкость неаппетитного засохшего рагу.

– Отравились, что ли? – предположил Хуз.

– Возможно, – кивнул унтер-офицер. – Похоже на то. Я, конечно, не эксперт в таких делах, но смерть, по всей видимости, наступила вчера.

– Где зарегистрировано судно? – спросил Хуз.

– В каюте обнаружены свидетельство о пригодности к плаванию и лицензия на рыбную ловлю. Оба документа выданы в Умм-аль-Амнахе.

– В Умм-аль-Амнахе? Так далеко? – удивился Хуз. – Как же их тогда сюда занесло?

– Наверное, в шторм попали.

– Умм-аль-Амнах... – задумчиво повторил Хуз. – Обыскать лодку сверху донизу. Ни одного угла не пропускать.

– Есть, сэр.

Хуз принялся медленно, размеренными шагами прохаживаться по палубе. Сказать, что ситуация его смущала, – значит не сказать ничего. Умм-аль-Амнах был провинцией в одном из эмиратов Омана. Хотя до создания единого государства он много лет был независимым эмиратом. В Умм-аль-Амнахе правил эксцентричный деспот, шейх Хийяд бин-Баккра аль-Квоззохок, который находился в состоянии постоянного конфликта с правительством ОАЭ еще с момента образования государства в 1971 году. Квоззохок придерживался точки зрения, что Объединенные Арабские Эмираты были сформированы лишь для того, чтобы отодвинуть Умм-аль-Амнах в тень и предать забвению. Терпеть такое пренебрежение он был не согласен. Крошечная провинция площадью всего пятьсот квадратных миль и с населением семнадцать тысяч человек была

решительно настроена против Великобритании, США и Израиля, но, кажется, поддерживала Ливию. Правительство ОАЭ Умм-аль-Амнах доставлял немало обременительных хлопот. Когда после бескровного военного переворота 1975 года Квоззох обьявил о создании независимого Умм-аль-Амнаха, Эмираты не стали чинить препятствий и даже испытали некоторое облегчение.

У западного же мира независимость Умм-аль-Амнаха, напротив, восторгов не вызвала. Более половины импортируемой нефти доставляли на Запад через Персидский залив и Ормузский пролив. Учитывая, что одну часть залива контролировали нестабильный Иран и занятый русскими Афганистан, хотелось бы, чтобы другая часть была настроена более дружелюбно. С Оманом, территория которого располагалась на одном из берегов узкого Ормузского пролива, проблем в этом смысле не возникало. Султанат открыто демонстрировал Западу свою поддержку, позволяя размещать в стране и британские, и американские военные базы. ОАЭ, территориальные воды которых тянулись до Ормузского пролива, тоже придерживались прозападной позиции, пусть и не так явно. Однако сорок миль побережья в пределах ОАЭ принадлежали Умм-аль-Амнаху.

Назир Хуз прекрасно знал: если Ормузский пролив будет блокирован, путь для поставки половины импортной нефти окажется отрезан. Вот почему Запад активно оказывает Оману помощь, в обмен на которую султанат взял на себя обязательство охранять пролив. За восемь лет патрулирования на канонерской лодке у Хуза развилось профессиональное чутье. Одно дело дружественные танкеры, дау местных рыбаков и советские подлодки, время от времени всплывающие на поверхность для пополнения запасов воздуха. Но в этой лодке явно было что-то подозрительное. От одних судов пахло нормально, от других исходила нестерпимая вонь. Хуз стоял на борту рыбацкой дау, вышедшей в море не меньше нескольких дней назад. Поэтому сейчас тут должно нести гниющей рыбой так, что на лодке невозможно было бы находиться. Однако рыбного запаха не чувствовалось вовсе.

– Командир, командир, сюда! – крикнул кто-то с кормы. Хуз поспешил в ту сторону. Унтер-офицер стоял возле открытого рыбного люка.

– Смотрите, – сказал он, светя вниз фонарем.

Хуз заглянул в люк, и по спине побежали мурашки. Луч выхватывал из темноты один овальный металлический предмет за другим. Рыбный трюм оказался

доверху забит минами.

* * *

Три часа спустя канонерка пришвартовалась на военно-морской базе на Козьем острове. Американские специалисты по обезвреживанию бомб вскрывали первую мину. На некотором расстоянии от них Хуз нервно мерил шагами причал. Уже рассветало, однако усталости он не ощущал. Вот из люка вылез один из американцев и, сойдя на причал, направился к нему. Американец вынул из кармана пачку «Честерфилда» и достал одну сигарету.

– Да уж, неприятная находка, командир.

Хуз кивнул. Американец затянулся и выпустил изо рта облачко дыма, которое тут же отнесло ветром.

– Между прочим, это не обычные мины, командир. В первый раз такие вижу. Слышал, конечно, достаточно, но до сих пор сталкиваться не приходилось.

Американец сделал еще одну глубокую затяжку, а потом уставился на залив, напряженно поджав губы.

– И что же это за мины?

– Думаете, обыкновенные, времен Второй мировой войны? Из тех, которыми торгует какой-нибудь дилер средней руки? Нет, у вас там ядерные мины. Да-да, начиненные ураном. В первый раз увидеть довелось. – Выдержав долгую паузу, американец продолжил: – Какой-то новый образец, командир. Должно быть, русские изготовили. Одна такая может разнести целый супертанкер, причем останутся только кусочки меньше спичечной головки.

Хуз поднял голову и посмотрел в небо. День обещал быть погожим и жарким. Потом поглядел через пролив в сторону Ирана. Над тем берегом как раз показался алый край восходящего солнца. Но Хузу было не до красот природы – его мучили дурные предчувствия. Похоже, через тридцать лет худшие страхи западного мира начинали оправдываться.

Одним из первых, кто узнал о находке за пределами Умм-аль-Амнаха, был израильский генерал Иссер Аарон Эфраим, глава МОССАДа, секретной службы внешней разведки. Когда зазвонил один из двух телефонов, стоящих возле его кровати в тель-авивской квартире, Эфраим поспешно сел и схватил трубку. Ответил тихо, чтобы не разбудить спавшую рядом жену. Звонил Хаим Вейсман, глава Управления военной разведки Израиля. Вейсман вкратце рассказал, что произошло.

– Тебе об этом что-нибудь известно, Иссер?

– Нет, Хаим. – Эфраим задумался. – Впрочем, на прошлой неделе в Хайфе пропали четыре моряка. Кажется, в понедельник. А еще исчезло патрульное судно. Пока ни обломков, ни тел погибших не обнаружено.

– Премьер-министр с ума сходит. Только подумай, в какую галошу сядет правительство, если эта история станет достоянием гласности.

– Могу себе представить. Но поверь, Хаим, я ошарашен не меньше тебя. Не понимаю, как такое могло случиться. И много народу в курсе?

– Пока – командир канонерки, американские военные с базы в Омане и мы с тобой. Сейчас проверяют, есть ли другие дау, которые возят через пролив мины. Если да, придется останавливать все судоходство. Но если окажется, что это просто недоразумение, панику сеять ни к чему. Если моряки с танкеров прознают, что на пути их могут поджидать ядерные мины, побросают свои суда и разбегутся.

– Ничего себе недоразумение – четыре трупа и пятнадцать ядерных мин, – ответил Эфраим.

– Согласен. Думаю, нужно заняться этим делом не откладывая. Встретимся у меня в кабинете ровно в восемь.

– Хорошо. В восемь, – повторил Эфраим.

Положил трубку, сел на постели в жаркой темной комнате и глубоко задумался. Эфраим ощущал неприятную тошноту. Потом его прошиб пот, на смену которому

пришел озноб. Никогда еще генерал не оказывался в настолько рискованной ситуации. Всю жизнь он ходил по лезвию бритвы. Бывало, неприятности сами его находили, а случалось, что Эфраим специально искал их. Всякий раз ему удавалось если не одержать победу над обстоятельствами, то, по крайней мере, выйти из положения с наименьшими потерями. Однако теперь, сидя посреди ночи в своей темной спальне, генерал чуял что-то недоброе, но не мог распознать, что именно. В конце концов усталость взяла свое, и Эфраим забылся сном.

Глава 3

С того момента, как «вольво» Бенхакера вылетел в канаву возле шоссе, и до того, как приехала скорая помощь, прошло всего полчаса. За это время полицейские успели перекрыть движение, расставить возле места аварии предупреждающие знаки, убрать с проезжей части осколки стекла и обломки металла, снова открыть движение и спасти, казалось бы, уже не подававшего признаков жизни Бенхакера.

– Этому уже ничем не поможешь.

Но констебль Харрис бросил на врача скорой помощи исполненный отчаяния взгляд. Это была уже вторая крупная авария за сегодняшний день, на место которой его вызвали.

– Нет, у него есть пульс!

Врач взял Бенхакера за запястье и через несколько секунд кивнул. Команда сразу засуетилась. Пока искалеченного Бенхакера вытаскивали из искалеченного «вольво», сердце у жертвы аварии останавливалось дважды, и оба раза его удалось запустить снова.

– Не понимаю, какой смысл возиться, – сказал Джим Коннелли, водитель «скорой». – До больницы все равно не довезем.

Остальные были с ним полностью согласны. Похоже, у пострадавшего в аварии трещина в черепе, а также сломаны бедренная кость и ребра. Не говоря уже о разорванной селезенке, позвоночнике, который наверняка поврежден, обширной потере крови от внутреннего кровотечения, пробитом легком и многочисленных порезах. И это лишь то, что удалось обнаружить при беглом осмотре. Однако сдаваться работники скорой не собирались – бывало, и не таких вытаскивали. Не сказать, чтобы подобных головокружительных успехов у них на счету было много, однако достаточно, чтобы был смысл постараться как следует. Вдруг жертву аварии все же удастся спасти? Наконец Бенхакера погрузили в машину, подключили к всевозможным капельницам и аппарату искусственной вентиляции легких и, принимаясь делать непрямой массаж сердца каждый раз, когда пульс снова начинал пропадать, повезли пострадавшего в больницу в Уэст-Миддлсекс, хотя особого оптимизма по поводу его судьбы не испытывали.

Три года назад Алекс Рок тоже был совершенно раздавлен, пусть и в фигуральном смысле. Тогда вся жизнь его также полетела под откос. И хотя раны Алекса не требовали хирургического вмешательства, шрамы после них остались глубже, чем от самого острого скальпеля. Первым ударом стал уход жены. Женщина, с которой Рок прожил в браке около двух лет, обвинила его в том, что работу свою он любит больше, чем ее. Нельзя сказать, чтобы жена была совсем не права. А всего через несколько недель после этого прискорбного события произошло еще одно. Брокерская фирма, на которую Рок в поте лица трудился пять лет, приказала долго жить, не успел он стать самым молодым партнером в истории компании.

А поскольку партнеры несли личную ответственность за долги фирмы, Рок потерял все, что имел. Дом в Паддинг тон-Мьюз, машину и все сбережения, не говоря уже о членстве на Лондонской фондовой бирже. Причем последнее в ближайшее время восстановлению не подлежало – если вообще подлежало.

Так в двадцать семь, после десяти лет учебы, приобретения опыта и упорного труда, Рок лишился работы, семьи, дома, денег и даже перспектив. Пока Аманда застегивала молнию у него на брюках, Рок вспоминал это тяжелое время, глубокое отчаяние, превратности и удары судьбы. Тут Аманда подняла голову и улыбнулась. Рок улыбнулся в ответ. Похоже, теперь, три года спустя, все начинало налаживаться.

Аманда подалась вперед и поцеловала его. Рок ответил на поцелуй, глядя одновременно и на ее нос, и на дорогу впереди. Автомобиль, так долго тащившийся за ним по пятам, пропал из вида. Рок принялся рассеянно гадать, куда мог подеваться тот «вольво». Кажется, свернуть по пути было негде. Но потом Рок выкинул «вольво» из головы. Нашлись дела поинтереснее. Рок засунул руку под юбку Аманды. Пальцы нырнули в шелковые трусики. Аманда резко втянула в себя воздух и провела языком по его носу.

Рок снова почувствовал возбуждение. Давненько этого не случилось с ним так часто. А уж когда в последний раз ощущал желание практически круглосуточно, и припомнить не мог. Да, из-за свалившихся проблем совсем выбыл из игры. Рок твердо решил: больше у него таких тяжелых времен не будет. Хватит, с бедностью покончено. Теперь ему не придется мириться с лишениями, которые он был вынужден терпеть последние три года.

Ощущая на ухе горячее дыхание Аманды, Рок заметил патрульную полицейскую машину, мчащуюся в западном направлении. Мелькает синяя мигалка, все фары включены. Через несколько секунд следом пронеслась «скорая помощь» с воющей сиреной. Наверное, авария случилась, подумал Рок.

Когда Рок остановил «порше» в Найтсбридже возле ограждения, Аманда открыла дверцу с пассажирской стороны. Рок посмотрел на нее:

– Надеюсь, не сочтешь за наглость, если приглашу тебя сегодня вечером куда-нибудь выпить?

Аманда широко улыбнулась.

– Ну, не знаю... – протянула она. – Мама всегда предупреждала, чтобы не связывалась с незнакомцами.

Аманда достала с заднего сиденья сумку «Энни», в которой лежали ее вещи.

– Может, отправить тебе по почте приглашение по всей форме?

– Может быть! – Аманда снова заулыбалась, послала Року воздушный поцелуй и, захлопнув дверцу, принялась переходить забитую машинами дорогу

с непринужденностью, на какую способны только девушки, осознающие свою привлекательность.

Рок посмотрел ей вслед. Вот Аманда добралась до безопасного островка посреди дороги, где движение было запрещено. Обернулась, увидела, что Рок еще не уехал, и наградила его еще одной улыбкой.

Рок продолжил путь. Он был в задумчивом настроении, поэтому ехал не спеша. Обогнув угол Гайд-парка, направился вниз по Конститушн-Хилл, потом по Пэлл-Мэлл, вдоль набережной и в сторону Сити. Доехав до конца Лоуэр-Тэмс-стрит, срезал дорогу через Марк-Лейн и Фэнчерч-стрит, затем свернул налево, на Минсинг-Лейн. В первый раз за два года на этой улице обнаружилось свободное парковочное место, да еще и прямо напротив входа в дом под номером 88. Да, подумал Рок, жизнь определенно ему улыбается.

Охранник у двери был одет в форму, которая сделала бы честь военному высокого ранга. Удивительно, как он вообще умудрялся сохранять равновесие под тяжестью нескольких ярдов галунов и тесьмы, а также несчетного числа блестящих медных пуговиц. Судя по всему, силы охраннику не занимать.

– Добрый день, сержант, – поздоровался Рок со старшим сержантом в отставке Орасом Бантремом, охранником и по совместительству кем-то вроде завхоза. В этом же здании ему была отведена квартира, так что жил Бантрем там же, где и работал.

– Добрый день, сэр. Хорошая сегодня погода, – ответил он, а потом, по своей давней привычке, приложил к ноздре палец и шумно вдохнул: – Хотя пахнет дождем.

– Будем надеяться, что ваш прогноз не оправдается, – пошутил Рок, торопливо направляясь внутрь здания.

На своем опыте он убедился, что лучше не ввязываться в дискуссии с сержантом о погоде, иначе можно проторчать на крыльце полдня. Рок прошел мимо скромной таблички в форме золотого слитка. На ней маленькими буквами было выгравировано название – «Глобалэкс лимитед». Пройдя через вертящиеся двери, Рок зашагал по выложенному белым мрамором коридору мимо стойки ресепшен. Секретарша, женщина чуть за сорок по имени миссис Дил, уже была

на своем месте. При виде Рока приветливо улыбнулась, одновременно прилагая титанические усилия, чтобы совладать с коммутатором. Видно, звонков сегодня было много.

Зайдя в один из четырех лифтов, Рок поднялся на четвертый этаж и ступил на застеленный ковролином пол коридора. На противоположной стене висела еще одна табличка, и снова в форме слитка. «Отдел металлов». Рок бросил взгляд на часы. Всего два. Отлично.

Дойдя до конца коридора, он повернул налево и вошел в нужный офис. Помещение было просторное. В центре стоял большой овальный стол, за которым расположились двадцать человек. Перед каждым красовались два телефона, селектор, компьютерный терминал и плоская рабочая поверхность с коммутатором. Количество телефонных линий исчислялось целой сотней.

«Глобалэкс лимитед» являлась одной из самых крупных брокерских фирм в Великобритании. Кроме того, у компании были также филиалы в Цюрихе, Гонконге, Токио, Чикаго и Нью-Йорке. Товарные брокеры «Глобалэкс лимитед» специализировались на самых разных сегментах рынка. От продуктов питания, таких как соевые бобы, зерно, ячмень, сахар, какао, кофе и замороженная свиная грудинка, до материалов – фанеры, резины, хлопка, шерсти. Кроме того, занимались металлами, как обычными, олово, медь, свинец, цинк, так и драгоценными, серебром и золотом.

Все перечисленные товары представляют собой просто сырье. Поначалу мировые товарные рынки занимались только тем, что продавали и покупали это самое сырье по оптовым ценам. Однако со временем возникли фьючерсные рынки. Цены на сырье могли значительно колебаться в зависимости от спроса и предложения, курса валют и даже времени года. Поэтому для покупателей, приобретавших сырье для производства своего продукта, важно было подготовиться к тому, что цена значительно вырастет. Для продавцов сырья же, наоборот, важно было подготовиться к тому, что цена упадет. Из этих двух противоположных потребностей родилась следующая практика: договариваясь о покупке товара, назначали конкретную дату – обычно месяца через три. Обговаривали и цену. Если даже товар к тому времени подорожает, продавцу придется отдать его за ту сумму, о которой условились заранее. Благодаря таким отложенным приобретениям покупатель оказывался защищен от повышения цен, однако, если стоимость товара, наоборот, падала, для него сделка становилась невыгодной. У продавцов же была возможность защититься

от падения цен – сумма обговаривалась заранее, поэтому, даже если к тому времени, когда товар пора было доставлять покупателю, цены падали, заранее обговоренные условия пересмотру не подлежали.

Разумеется, производители и потребители сырья составляли значительную часть клиентуры «Глобалэкс лимитед». Однако были также инвесторы, вкладывающие свои деньги во фьючерсы. Товар как таковой их не интересовал. Для них все сделки происходят только на бумаге. Как правило, такие клиенты успевают продать товар задолго до наступления даты, когда его должны доставить. Впрочем, ничего удивительного – вряд ли кому-то захочется, чтобы домой к нему привезли двадцать тысяч тонн соевых бобов.

Привлекательность этого рынка как для организаций, так и для частных лиц объясняется тем, что за достаточно короткое время можно рассчитывать на приличную прибыль. Гораздо большую, чем обычно получают на фондовых рынках. Обусловлено это двумя причинами. Первая – значительные колебания цен на сырье. Вторая – она же определяющая – финансовые обязательства. Приобретая товар, покупатель должен заплатить задаток, чаще всего в размере десяти процентов от полной стоимости. Если же покупатель по каким-либо причинам откажется от доставки и продаст товар до того, как его привезут, или в тот же самый день, уплату остатка цены с него не требуют. Таким образом, он может поставить на кон сумму в десять раз большую, чем та, которой он фактически располагает. Если товар возрастет в цене на десять процентов, ваше состояние удвоится. Однако не менее велик риск лишиться всего. В случае падения цены на те же десять процентов придется возвращать огромные долги. Каждый день множество людей обогащается таким способом, но не меньше и тех, кто становится банкротами.

В офисе Рока, кроме него, работали еще двадцать человек. Большинство из них, как и он, занимали должности менеджеров по работе с клиентами. Обязанности их состояли в том, чтобы действовать от имени клиентов «Глобалэкс», исполняя таким образом функцию делопроизводителей. Менеджеры покупали и продавали согласно инструкциям клиентов, но также давали рекомендации и держали клиентов в курсе последних событий, которые могли оказать влияние на нужный сегмент рынка. Девушек среди сотрудников было шесть, две из них японки. Во главе овального стола сидела делопроизводитель по учетным и заявочным документам – женщина с ярко-рыжими волосами, с сильным акцентом кокни выкрикивающая вопросы клиентов, а потом повторяющая ответы менеджеров в телефонную трубку, которую она при каждом звонке

хватала, точно кинжал.

Сейчас офис напоминал шумный улей. Такой бурной активности Року не приходилось видеть давно. Обычно после обеденного перерыва настроение у сотрудников было вялое. Да и торговля в последнее время шла не особо энергично. А в середине дня и вовсе можно было уснуть от скуки. Но только не сегодня. Все рабочие места, кроме того, что принадлежало Року, были заняты. Брокеры с сосредоточенным, деловитым видом прижимали телефонные трубки к обоим ушам, непрерывно отвечали на звонки и лихорадочно записывали инструкции и распоряжения.

Появление Рока заметил только Лестер Бэрроу, тучный коротышка хорошо за пятьдесят. Для такой напряженной, нервной работы возраст весьма и весьма солидный. Несмотря на то что за последние три года Бэрроу пережил два сердечных приступа и оба едва не стоили ему жизни, он продолжал сохранять все те же оптимизм и жизнерадостность. Взглянув на Рока, Бэрроу прокомментировал:

– А вот и наша ранняя пташка.

Рок ответил напряженной, неискренней улыбкой.

– Что, самых толстых червячков искал? – продолжил птичью тему Бэрроу. Его бодрый голос с легкостью перекрывал царивший в офисе гул.

– Все утро проторчал у дантиста, – соврал Рок.

Еще много лет назад он усвоил эту уловку. Когда приходится выдумывать оправдание, дави на жалость. Впрочем, тут на сочувствие рассчитывать не приходится. Вряд ли кому-то из сотрудников «Глобалэкс лимитед» известно значение слова «жалость». Ведь оно не оказывает ни малейшего влияния на индекс Доу – Джонса. Впрочем, при такой работе на расширение общего кругозора просто не остается времени. Несмотря на аврал, атмосфера в офисе невольно наводила на мысли о затишье перед бурей. Впрочем, ничего удивительного – к этому времени торговые сессии во многих частях света успевают закрыться и все ждут, когда откроются нью-йоркские рынки.

Коммуникации играют очень важную роль в работе брокера. В лондонском офисе «Глобалэкс» больше сотни тысяч фунтов в месяц уходило только на оплату счетов за электричество и телефон. Содержание многочисленных телефонных, телексных и компьютерных линий связи обходилось недешево. Зато была возможность напрямую связаться с офисами в Цюрихе, Гонконге, Токио, Чикаго и Нью-Йорке, а также с самыми важными клиентами по всему миру. Прогресс не стоял на месте, средства связи, позволяющие не отстать от конкурентов и оставаться в игре, обходились все дороже и дороже, однако это были необходимые расходы.

Чтобы у менеджеров был стимул стараться как следует, в год им платили достаточно скромную фиксированную сумму десять тысяч фунтов, большую же часть заработка составляли проценты от суммы сделок. Случалось, в удачный год менеджеры зарабатывали по два-три базовых оклада.

Все товары продавались партиями, и для каждого продукта был определен минимальный размер этой самой партии. Для золота это сто унций. При цене четырехста девяносто восемь долларов за унцию стоимость одной партии, таким образом, составляет сорок девять тысяч восемьсот долларов. Вознаграждение за посредничество составляло двадцать пять долларов за сто унций, из которых лично менеджеру доставалось шесть долларов двадцать пять центов. Потребовалось бы очень много унций, чтобы оплатить телефонные счета и счета по картам «Американ экспресс», которыми пользовались сотрудники. Однако при цене восьмьсот тридцать три доллара за тонну меди, семь тысяч восьмьсот пятьдесят шесть за тонну олова, четырехста четыре за свинец, пятьсот двадцать шесть за цинк, шестьсот пятьдесят три за алюминий, две тысячи восьмьсот восьмьдесят за никель, сто девяносто семь за унцию платины, четыре доллара двадцать три цента за унцию серебра и четырехста девяносто восемь долларов за унцию золота не нужно было требовать слишком большой процент со сделок, чтобы зарабатывать как минимум сотни тысяч. Гэри Сливиц, сидевший рядом с Роком, называл сотни тысяч «длинными», миллионы «большими», а миллиарды «широкими».

– Что?

Рок был не уверен, к кому обращается Бэрроу – к нему или к человеку, с которым разговаривает по телефону, прижимая трубку к левому уху. Будто прочитав мысли Рока, Бэрроу отвел руку с трубкой немного в сторону.

– Говорю, был у дантиста.

– Ну и как, удалось ему что-нибудь продать?

Кто-то, может быть, решил бы, что Бэрроу шутит. Но Рок был уверен, что тот задает вопрос совершенно серьезно. Бэрроу, как и большинство здешних сотрудников, буквально жил работой. Возникало чувство, что, будь их воля, они бы даже питались металлами. Все, находившееся за вертящимися дверями дома номер 88 на Минсинг-Лейн, а также за пределами расположенной напротив Лондонской биржи металлов, существовало лишь для того, чтобы продавать и покупать товар при посредничестве «Глобалэкс». Причем в идеале клиенты должны пользоваться услугами не кого иного, как Лестера Бэрроу. Тут перед Бэрроу загорелся огонек, сообщающий, что звонят из Нью-Йорка. Он мгновенно нажал на кнопку и схватился за второй телефон. Потом, умудряясь одной рукой удерживать трубки около обеих ушей, второй принялся что-то торопливо строчить.

Рок занял свое место рядом с Гэри Сливицем, который жал на кнопки с таким азартом, будто играл в компьютерную игру. С другой стороны сидел вечно мрачный Генри Мозер и демонстрировал трюк, требующий незаурядной ловкости и умения, – одновременно делал карандашом записи и ковырял другим его концом в ухе.

– Что у вас тут происходит, Генри? – спросил Рок.

Мозер вытащил карандаш из уха и повернулся к нему:

– Неужели не слышал? Ты что, все утро в бункере просидел?

– Нет, к дантисту ходил.

Для убедительности Рок картинно поморщился.

Между тем лампочки на его коммутаторе мелькали как бешеные.

– Что ты сказал?

– Извини. Сделали заморозку, нормально говорить не могу.

– Какую еще заморозку? – прокричал Сливиц, перекрывая шумный гул. – Ты к дантисту ходил или на Северный полюс ездил?

Рок решил больше не объяснять, почему появился в офис только в два часа дня. Он и без того был не слишком популярным сотрудником. Для большинства брокеров, занимающихся металлами, последние два года были крайне неудачными, однако Року посчастливилось. Исключительно благодаря везению ему попались чрезвычайно выгодные клиенты. Одним из них был Саад аль-Рахир, скучающий тридцатисемилетний богач из Кувейта. На бирже он играл примерно в той же манере, в какой другие играют в рулетку. Для аль-Рахира ничего не стоило из чистой прихоти приобрести сразу триста – четыреста тысяч фунтов любого металла, название которого придет ему в голову первым. Был еще иранец Луис Хилджи, большой гурман и знаток вин, который каждый день что-то покупал и продавал. Такая возможность появилась у него благодаря многим сотням миллионов, которые стараниями его покойного отца не достались аятолле. Еще одним клиентом мечты оказался принц Абр Кви Миссх, известный плейбой и по совместительству сын шейха Квоззохока, эмира Амнаха – крошечного нефтяного государства, добившегося независимости от ОАЭ. Повезло и с бароном Гарри Мелликом, сыном дровосека, иммигрировавшего в Канаду из Венгрии в 1938 году. Отец Гарри весьма преуспел, что позволило ему приобрести в Юконе склад лесоматериалов, площадь которого составляла тысячу акров. Инвестиция сама по себе была неплохая. Однако потом ему и вовсе улыбнулась удача. Джозеф Згдвимеллик не пожалел, что позволил сотрудникам компании «Рио Тинто Цинк» заняться разведочным бурением на своем участке. Оказалось, склад расположен прямо посреди третьего по величине месторождения урана из всех, что когда-либо удавалось обнаружить. А когда старик скончался, его сын Гарри решил, что более короткая фамилия и титул в придачу как нельзя лучше подойдут наследнику состояния, исчисляющегося полутора миллиардами канадских долларов. Был и другой хороший клиент – Джоэл Саймс, сотрудник инвестиционной трастовой компании. Ему было доверено около ста шестидесяти миллионов фунтов, которые он неизменно вкладывал в металлы и получал хорошие проценты – не без помощи Алекса Рока. Немало способствовал карьерным успехам менеджера и Данстан Нгван, нигериец, обеспечивший себе безбедное существование благодаря простой схеме. Покупал лекарственные препараты, у которых истек срок годности, и продавал в больницы в странах третьего мира. Инвестиции Нгвана обычно составляли около миллиона фунтов в месяц – и он был клиентом Алекса Рока!

Со всеми этими людьми Рока поначалу свела самая обыкновенная удача. Новых клиентов среди брокеров распределяли согласно четкому расписанию, и так уж получилось, что все шесть человек обратились в «Глобалэкс» как раз тогда, когда подходила очередь Рока. Однако на самом деле свою роль тут сыграли весьма щедрые подарки, которые Рок преподносил секретарю. Но заполучить клиентов – не такая уж и проблема. Гораздо труднее их удерживать, и тут уж приходится рассчитывать только на себя. Преуспеть Року помогло не блестящее чутье на деньги – вообще-то его показатели были лишь чуть-чуть выше средних по фирме. Но шестерых его клиентов, кроме богатства, объединял один общий интерес – секс. И тут Рок мог оказать им неоценимую помощь, сведя с кем надо. Саад аль-Рахир питал слабость к семнадцатилетним школьницам. Луис Хилджи отдавал предпочтение чернокожим мужчинам и женщинам-азиаткам. Принцу Абр Кви Миссху нравились блондинки, и хотя качество – то есть внешность – для него имело значение, важнее было все-таки количество. Во время поездок в Лондон – к счастью для Алекса, несчастных – принц требовал предоставить ему не меньше десяти девушек одновременно. Абр Кви Миссх даже придумал игру – своеобразную версию жмурок.

С завязанными глазами его заводили в комнату, полную обнаженных блондинок. Цель игры состояла в том, чтобы на ощупь поймать одну из них. В качестве приза принц предавался с ней страсти незамедлительно, не сходя с места. Потом нужно было угадать имя девушки. Если принц ошибался, его выводили из комнаты, и игра начиналась сначала. Так продолжалось до тех пор, пока принц не угадает наконец имя девушки – или не свалится от усталости. Что касается троих остальных, то барон Гарри Меллик питал нездоровое пристрастие к латексу, Джоэл Саймс обожал, когда его бьют, а Данстан Нгван был непривередлив и особых предпочтений не имел.

Эту маленькую, но пеструю группу Рок прозвал своей «высшей лигой». Была еще сотня менее значительных клиентов, которых Рок для удобства записал в порядке убывания. Замыкал список Сидни Чилтерли, суммы на счете которого обычно превышали семь тысяч долларов – установленный компанией обязательный минимум – не более чем на один доллар.

За последние два года другие брокеры «Глобалэкс» помимо годовой зарплаты в десять тысяч фунтов зарабатывали не более двенадцати тысяч фунтов комиссии. Рок же благодаря «высшей лиге» обогащался на сто пять тысяч фунтов. Конечно, приходилось вычитать из этой суммы налоги, а также траты на оплату труда девушек и молодых людей легкого поведения. К сожалению,

расходы такого рода «Глобалэкс» своим сотрудникам не компенсировал. И все равно Року за два года удалось скопить пятьдесят три тысячи фунтов. Благодаря удачным инвестициям он приумножил свои накопления до девяноста тысяч фунтов, которые внес в качестве первых взносов за квартиру на Рэдклифф-сквер в Лондоне и коттедж в деревне Клейтон в Сассексе.

В то время как остальные ездили на служебных автомобилях и добросовестно трудились пять дней в неделю, Рок гордо рассекал на «порше» за тридцать две тысячи фунтов и два дня в неделю проводил на поле для гольфа.

Может быть, Алекс Рок и ходил в любимчиках у совета директоров, но среди коллег, которые ради карьерных успехов лучшего друга не пожалели бы, он популярностью не пользовался. Впрочем, и не мудрено.

Взглянув на мигающие лампочки на коммутаторе, Рок поднял глаза на монитор «Рейтер». С помощью этой штуки можно было узнать цену на любой металл в любой стране, а также курсы всех существующих валют, рыночную стоимость акций, новости со всего мира и прочую важную информацию. Достаточно было просто ввести правильный код и нажать на нужную кнопку. Кроме того, благодаря системе «Рейтер монитор» можно было узнать, как обстоят дела у всех, кто ею пользуется, – а это сотни банков, маклеров по торговле благородными металлами и брокерских фирм. Рок ткнул в кнопку, собираясь посмотреть цены на металлы.

– Черт возьми! Золото подорожало на девять долларов, – удивился он. – Теперь больше пятисот! Что случилось? Москва напала на Вашингтон?

– Не угадал, однако новости все равно неплохие, – ответил Сливиц, на секунду отвлекаясь от разговора по двум телефонам. – Помнишь, как в восемьдесят первом году Израиль взорвал иракский ядерный реактор «Осирак»?

– Помню.

– Так вот – они взяли да снова его подорвали.

– Ничего себе! – Золото подорожало еще на доллар прямо на глазах у Рока. – Когда?

– Часа три назад. За это время ты, парень, упустил клиентов тридцать пять, не меньше. Мозес тебя искал. А когда не нашел, жутко взбесился.

Мозес Ронделл был непосредственным начальником Рока. Отношения между ними и в лучшие времена складывались достаточно напряженные. Не последнюю роль тут сыграло то обстоятельство, что Рок как-то высказывался о жесткости начальника в довольно нелестных выражениях, а тот случайно услышал.

– Хватит болтать. Берись-ка ты лучше за работу, – посоветовал Мозер. – А то покупать будет нечего, все расхватают.

Рок ввел код мировых новостей на терминале «Рейтер». Напечатанные на экране зеленые буквы складывались в весьма любопытные предложения, из которых Рок узнал, при каких обстоятельствах произошла атака на «Осирак», по какой причине премьер-министр Израиля отдал приказ снова напасть на реактор и с какой возмущенной речью выступил по этому поводу иракский министр иностранных дел. Оказалось, уже почти восстановленный реактор снова был полностью разрушен.

Затем Рок нажал на кнопку с подписью «Тор 2». Это была единственная кнопка, лампочка возле которой не мелькала. С ее помощью можно было быстро и напрямую позвонить на домашний номер барона Меллика в Торонто. Офиса у барона вообще не было – предпочитал работать в своем огромном пентхаусе, где с высоты мог любоваться четырьмя пересечениями крупных шоссе на окраине Торонто. Пятидесятиэтажный многоквартирный жилой комплекс, на вершине которого располагался пентхаус, возвела принадлежащая Меллику строительная компания. Долго подбирать предметы обстановки для роскошных апартаментов Меллик не стал – просто отправился в мебельный отдел «Даунтон Итонс», крупнейшего торгового комплекса в Торонто, и заказал целый этаж вместе с люстрами и светильниками. Причем ценники снимать не велел и приказал расставить все точно так, как стояло в мебельном магазине. Такие уж у него были представления о развлечениях и забавах.

Разница во времени между Торонто и Лондоном составляла пять часов. Значит, сейчас в Торонто только половина десятого утра, а Меллик любит поспать подольше. Значит, новостей, наверное, еще не слышал. Во всяком случае, Рок очень на это надеялся. Увы, Меллик уже был в курсе дела.

– Ты куда пропал? Лично ракеты в Израиль доставлял?

– Извините, Гарри.

– «Извините» – и все? Знаешь, сколько я денег потерял, пока ты с какой-то девкой трахался?

– Успокойтесь, Гарри, потеряли вы не слишком много. И вообще, ни с какой девкой я не трахался. С утра пришлось срочно ехать к дантисту. – Рок выдержал паузу. – К тому же золото подорожало всего на десять баксов...

Из трубки донесся какой-то шум. Року, обладавшему тонким слухом, оставалось только предположить, что венгерский барон бьется головой о стену пентхауса.

– Вот что я тебе скажу, приятель, – наконец произнес барон. – Если на все деньги, которые я из-за тебя сегодня упустил, заказать шлюх, можно будет трахаться всю жизнь двадцать четыре часа в сутки, и то всех не охватишь.

– Не все потеряно, Гарри. Покупайте прямо сейчас, и...

– Прямо сейчас? Ты правда туго соображаешь или прикидываешься? Поздно покупать – цена вот-вот начнет падать.

– Нет, ничего подобного. Она еще поднимется, как минимум до пятнадцати или шестнадцати долларов. А в случае, если Ирак предпримет ответные меры, цена и вовсе взлетит до небес. Возможно, нападение на ядерный реактор станет началом серьезного военного конфликта. Тогда к концу недели цена превысит отметку в тысячу.

– Какая цена на золото, срок доставки которого – сентябрь?

– Если оплата по сделке будет проводиться незамедлительно, тогда пятьсот девять долларов. А если в сентябре, то на шесть долларов дороже – пятьсот пятнадцать.

– Секундочку! Когда рынки закрывались в пятницу, золото стоило четыреста девяносто восемь баксов. Ты сказал, что золото подскочило на десять баксов.

Откуда же тогда взялись пятьсот девять долларов? Должно быть пятьсот восемь!

– Пока мы с вами разговаривали, цена поднялась еще на один бакс.

Повисла пауза. Потом барон так громко вздохнул, что в трубке зашумело.

– Значит, что ты думаешь? На сколько еще поднимется цена? Долларов на двенадцать? На пятнадцать?

– Полагаю, пятнадцать – это самое меньшее. Скорее всего, золото будет стоить еще дороже. Если, конечно, больше ничего экстраординарного не случится.

– Ладно. Раз так, купи мне тонну со сроком оплаты в сентябре.

Рок мысленно присвистнул. Целая тонна! Тридцать две тысячи унций. Триста двадцать контрактов. «Глобалэкс» берет комиссию двадцать пять центов с каждой унции золота, а лично Року достанется десять процентов от этой суммы. Он потянулся за калькулятором и принялся считать. Рок только что обогатился на четыреста сорок четыре фунта.

– Да смотри не зевай, как с утра. Продай вовремя, а то без штанов меня оставишь.

– Можете на меня положиться, Гарри.

– На кого? На тебя? Не смейся.

И Меллик бросил трубку. Рок на некоторое время задумался. Тридцать две тысячи унций золота – это очень много. Средний дневной товарный оборот золота в Лондоне обычно составляет всего около сотни тысяч унций.

Рок нажал на кнопку и позвонил в нью-йоркский офис «Глобалэкс». Трубку взяли сразу же.

– Стив Рауш, «Глобалэкс».

- Какая цена на золото, если доставка в сентябре?
- Привет, Алекс. Как поживаешь?
- Кручусь как белка в колесе.
- Слыхал анекдот про иностранца в Нью-Йорке, который решил снять проститутку?
- «Ты трахаться собираешься или на спицах вязать»?
- Значит, слыхал.
- А ты слышал про то, как три старика жен обсуждали?
- Одного вкус подвел, другого память?
- Да, он самый.

На этом запас свежих анекдотов закончился, и Алекс со Стивом перешли к делу.

- Цена - пятьсот четырнадцать - пятьсот шестнадцать долларов.
- Купи для меня триста двадцать унций.
- Ух ты! Кто это у нас такой богатый?
- Не твое дело. Но учти: клиент и впрямь серьезный, и он уже мной недоволен, так что будь осторожен. Сработает как следует - в долгу не останусь.
- Договорились, Алекс. Считай, что дело в шляпе.
- Вот и молодец.

Рок повесил трубку и перезвонил барону Меллику. Подтвердил, что распоряжение клиента выполнено, и настоятельно посоветовал не откладывая перевести миллион шестьсот тысяч долларов со счета в «Глобалэкс» – то есть внести задаток в размере десяти процентов от полной стоимости приобретаемого золота. Меллик что-то буркнул и бросил трубку.

Рок на секунду задумался о том, до чего легко живется богачам. Вот уж действительно – деньги идут к деньгам. Барону и пальцем шевелить не приходится. Достаточно сделать один звонок и отдать соответствующие распоряжения. Например, если захочешь купить тридцать две тысячи унций по цене пятьсот пятнадцать долларов каждая. Тонна золота на сумму шестнадцать миллионов. Если цена поднимется еще на пятнадцать долларов, прибыль составит четыреста восемьдесят тысяч долларов, а барону не понадобится добавлять ни цента к тем деньгам, которые уже лежат на его счете в «Глобалэкс» и приносят владельцу хороший процент. Задолго до даты доставки золота в сентябре цены на золото пройдут пик и снова начнут снижаться. А Рок, конечно, позаботится о том, чтобы выбрать нужный момент для продажи золота и обеспечить клиенту солидную прибыль.

Рок, конечно, мог понять возмущение барона. Менеджер, отсутствующий в офисе в момент кризиса, производит не слишком благоприятное впечатление. Рок понимал, что ему давно уже следовало нанять ассистента, однако предпочитал выполнять всю работу самостоятельно. Как и многие коллеги, Рок старался держать имена своих клиентов в строгом секрете. Он принялся деловито щелкать кнопками калькулятора. Если бы золото удалось приобрести в первые минуты после атаки на «Осирак», когда цена была меньше на восемь, девять или даже десять долларов, удалось бы заработать лишние четверть миллиона.

Особенность золота как товара в том, что в момент любого кризиса оно практически всегда дорожает. Золото всегда остается привлекательным объектом для инвестирования, потому что за любой бумажной валютой мира непременно стоят золотые резервы. К бумаге многие относятся без особого доверия, металл же – совсем другое дело. Буквально за один день купюры могут превратиться в бесполезные бумажки. Подобные случаи происходили нередко. Самый недавний пример – Вьетнам, валюта которого обесценилась почти на сто процентов. А если деньги практически бесполезны в своей стране, то нечего и рассчитывать, что в банках других государств отношение к ним будет иным. Нет смысла быть миллионером, если на твое состояние все равно ничего нельзя

приобрести. Однако золото не обесценится никогда, ни при каких обстоятельствах. Всегда найдутся желающие принять его в качестве платы за продукты, вещи, крышу над головой или услуги. Можно сказать, что золото является универсальным расчетным средством во всем мире.

Теоретически, если Соединенные Штаты по каким-либо причинам прекратят существование как государство или будут захвачены Советским Союзом, могучий доллар сразу превратится в груды бесполезных бумажек. Даже если говорить о самых богатых американцах, единственными, кто сможет купить хоть что-то за пределами своей страны, будут те, у кого есть золото – своеобразная универсальная валюта. Золото принимают все и везде. Так было еще задолго до того, как придумали бумажные деньги, чтобы, рассчитываясь за товары и услуги, не таскать туда-сюда тяжелый металл. Как только ситуация в мире осложняется, все хотят покупать только золото.

Удивительно, но факт: на самом деле золота в мире очень мало. Если сложить в одну грудку весь когда-либо добытый драгоценный металл, по размерам она не превысит небольшой дом. Однако кажется, будто золота гораздо больше. Такое впечатление создается из-за многочисленных изделий, покрытых позолотой. Вдобавок всего из одной унции золота можно изготовить проволоку длиной в пятьдесят миль.

Но, несмотря на малое количество и редкость золота, его обороты на мировых рынках весьма велики. На бу маге этот металл всего за какой-то год успевает сменить владельцев несчетное количество раз. В периоды международной напряженности все начинают делать запасы, а спекулянты перестают продавать. Таким образом возникает дефицит. А учитывая, что число покупателей сразу резко возрастает, цена, соответственно, тоже начинает расти.

Кроме барона, Року пришлось пообщаться еще с пятью недовольными членами «высшей лиги». Излишне говорить, что и эти беседы получились не слишком приятными. Вдобавок пришлось выслушивать оскорбления от тридцати менее значительных клиентов. У многих из них были дискреционные счета. То есть Алексу была выдана доверенность, по которой он мог распоряжаться деньгами клиента, продавая и покупая по своему усмотрению. Обычно клиенты этого типа в дела не вмешивались. Но только не сегодня.

Больше всего Року досталось от самого мелкого клиента, Сидни Чилтерли. Тот позвонил и велел купить одну унцию золота, как только она достигнет цены в пятьсот семнадцать долларов, а когда стоимость достигнет пятисот двадцати долларов, сразу продать. Таким образом Чилтерли планировал получить огромную прибыль в размере целых трех долларов – вернее, после всех вычетов, двух долларов семидесяти пяти центов. Рока же ожидала солидная комиссия в размере трех центов. Чилтерли так ему надоел, что Рок нарочно не стал напоминать ему, что по правилам минимальная сумма сделки должна составлять не менее десяти долларов, а значит, вместо прибыли в два с лишним доллара Чилтерли заработает только убыток в размере семи с лишним долларов. До покупки золота на счете у него было ровно семь тысяч долларов два цента. Теперь осталось шесть тысяч девятьсот девяносто четыре доллара семьдесят пять центов. До минимальной суммы, которая всегда должна быть на счете клиента «Глобалэкс», не хватало пяти долларов двадцати пяти центов. Рок уже предвкушал, как в следующий раз объявит Чилтерли, что его распоряжения не могут быть исполнены, пока не будут внесены эти самые пять баксов. Чилтерли предложили воспользоваться услугами «Глобалэкс» исключительно из-за неудачной, плохо продуманной инициативы по увеличению числа мелких клиентов.

На некоторое время лампочки на коммутаторе вспыхивать перестали. Рок открыл справочник «Желтые страницы» и принялся задумчиво перелистывать. Потом набрал номер флориста из фирмы «Интерфлора».

– Отправьте букет свежих цветов за десять фунтов по адресу: фирма «Гарбутт, Гарбутт и Гарбутт», Найтсбридж, Ханс-Кресент, 292, А, Аманде Лоуэлл. И приложите записку: «Уже соскучился. Может, поужинаем вместе?»

Сделав заказ, Рок повесил трубку. Сливиц покосился на него:

– Еще одна довольная клиентка?

– У тебя их должно быть больше, чем у меня. Сливиц, ты уже давно всех затрахал.

Прежде чем Сливиц успел дать достойный ответ, у него зазвонил телефон. Бросив сердитый взгляд на Рока, Сливиц взял трубку.

– Да, подходящее же ты выбрал утро, чтобы прогулять работу, – сказал Генри Мозер.

– Увы, – произнес Рок, – правительство Израиля забыло поделиться со мной своими планами.

Глава 4

Рок не мог не отметить, что после второй атаки на «Осирак» атмосфера в офисе царила своеобразная. Менеджеры радовались, и все по разным причинам. Евреи были довольны тем, что Израиль укрепляет свои позиции. Представителей других национальностей приводила в восторг ситуация на рынке. Для них плохие новости были хорошими. Любая плохая новость означает изменение цен, а значит, клиенты весят продавать или покупать. Можно рассчитывать на хорошую комиссию. Таким образом, по-настоящему плохая новость для брокера – это отсутствие новостей.

Единственным человеком, не разделявшим всеобщего бодрого настроения, был Клайв Кеттл. Впрочем, Кеттл вообще не умел веселиться. Похоже, никто его этому не научил. С восьми лет Кеттл являлся в школу, сжимая в руках свежий номер газеты «Файнэншл таймс», черный портфель и аккуратно засунутый в чехол зонт. В то время как другие ребята читали книги Энид Блайтон или комиксы про летчика Бигглза, Кеттл корпел над «Уолл-стрит джорнал». Одноклассники в свободное время играли в спортивные игры, гуляли в парках, ходили в кино, озорничали и проказничали. Кеттл же полдетства провел общаясь с банковскими менеджерами и решая, как бы повыгоднее вложить свои карманные деньги. Теперь Кеттлу стукнуло двадцать семь, и всю жизнь у него была только одна мечта – достигнуть карьерных высот. Но, увы, пока он никаких успехов не добился. Главная проблема состояла в том, что Кеттл настолько ответственно подходил к принятию решения, что вообще был не способен ничего решить. Когда металл начинал прирастать в цене, покупать Кеттл остерегался: вдруг опять упадет? Если же цена, наоборот, падала, Кеттл, в отличие от остальных, не продавал: ведь она может вырасти снова! Почти все клиенты, обратившиеся к нему за пять лет работы, давно уже сменили менеджера. Поначалу им восхищались, считая юным талантом, вундеркиндом. Однако все пять лет работы в «Глобалэкс» Кеттл устойчиво демонстрировал

показатели на двадцать процентов ниже средних. Увы, со временем клиенты только тверже убеждались, что Кеттл – не гений, а полный идиот.

Между тем он положил трубку на рычаг и, ни к кому конкретно не обращаясь, громко объявил:

– Не пойму, по какому поводу столько радости. Между прочим, из-за этого инцидента может разразиться третья мировая война.

– Чем скорее, тем лучше, – отмахнулся Сливиц. – Сегодня накопил кучу золота для своих клиентов, а если и впрямь начнется военный конфликт, цена взлетит до заоблачных высот. – Но тут Сливиц приуныл. – Впрочем, на такую удачу, к сожалению, рассчитывать не приходится, – мрачно прибавил он.

– Золото подорожало еще на два доллара! – крикнул кто-то с дальнего края стола.

Рок занервничал. Теперь золото стоило пятьсот двадцать два доллара. Цена устойчиво поднималась. Рок решил отказаться от своего первоначального плана начать продавать, как только цена достигнет пятисот двадцати трех долларов, то есть возрастет на двадцать пять долларов. Рок рассудил, что в сложившейся ситуации разумнее будет не спешить, а подождать еще немного. Отчаянно хотелось закурить, но Рок завязал еще два месяца назад и после стольких затраченных трудов срываться не собирался. Подумал: может, все-таки не следует затягивать с продажей?

Но нельзя сбрасывать со счетов, что сегодня утром клиенты по его вине упустили шанс заработать достаточно крупную прибыль. Меньшее, что Рок теперь может сделать, чтобы снова заслужить их расположение, – компенсировать эти потери. Тут зазвонил телефон.

– Рок, – как обычно, произнес он, снимая трубку.

Сначала раздавалось только потрескивание, потом слышался тихий голос принца Абр Кви Миссха из Умм-аль-Амнаха:

– Ну что, Алекс, как обстоят дела?

Звонок принца порадовал Рока. Наконец-то появилось перед кем выслужиться.

– Цена на золото все еще повышается. Только что подскочила на два доллара. Предполагаю, скоро достигнет пика. Если, конечно, не последует возмездия со стороны Ирака. Какие будут указания?

– Решайте сами, Алекс.

Рок выругался про себя. Совсем не такого ответа он ждал.

– Я бы подождал еще немного, но слишком затягивать не следует.

– Дождитесь, пока цена вырастет еще на пять долларов, а потом продавайте, – ответил принц.

– Хорошо, но... возможно, она до такой степени не поднимется.

– Что ж, рискнем.

– Как скажете.

Рок повесил трубку и облегченно вздохнул. Ну, хоть тут обошлось без ругани и оскорблений. Между тем замигала лампочка возле кнопки «Тор 2».

– Здравствуйте, Гарри, – поприветствовал Рок барона Меллика. – Как дела, чем занимаетесь?

– Волосы на себе рву. Из-за тебя двести пятьдесят тысяч баксов профукал.

– Вообще-то я уже восполнил вашу потерю. Золото взлетело до пятисот двадцати двух баксов, а мы с вами до сих пор в игре.

– Да уж, ничего не скажешь, благодетельствовал. Вместо двадцати четырех долларов прибыли с унции всего тринадцать.

– Гарри, если бы утром я вас не подвел, продал бы ваше золото, когда оно еще стоило пятьсот десять долларов. Причем сэкономил бы кучу нервов. А теперь приходится сидеть и дрожать – вдруг начнет дешеветь?

– Да, умеешь зубы заговаривать.

– Такая уж у меня работа. Думаю, сейчас самое время продавать.

– Ну уж нет, погоди еще немного. Думаю, цена поднимется до пятисот тридцати или даже выше, а я в дураках оставаться не собираюсь. Если завтра прочту в журналах, что золото взлетело до пятисот пятидесяти, а ты сдрейфил и продал мою тонну за пятьсот тридцать один, не завидую тебе, парень.

– Не знал, что в ваших любимых порножурналах печатают цены на золото.

– Короче, ты меня понял, Алекс, – отрезал барон и повесил трубку.

Заметив, что ему звонят по внутренней линии компании, Рок взял трубку и сразу узнал голос сэра Монти Эллека, председателя правления «Глобалэкс».

– Алекс, немедленно зайди ко мне в кабинет, – коротко распорядился он.

– Хорошо, сэр.

Рок записал кое-какие инструкции у себя в блокноте и вручил его Боудикке – так он прозвал делопроизводительницу по учетным и заявочным документам, в честь легендарной рыжеволосой воительницы. Та бросила презрительный взгляд на его небрежные каракули и с сильным ист-эндским акцентом посоветовала:

– Я бы на твоём месте хоть несколько уроков чистописания взяла. Ничего, не разоришься – с твоими-то бешеными заработками.

– Отличная мысль! Давай брать уроки вместе – я буду учиться писать, а ты говорить. Может, в колледж поступим?

Когда Алекс повернулся к Боудикке спиной и направился к двери, в шею ему ударился свернутый в комок лист бумаги. Оставалось надеяться, что это не его инструкции.

Сэр Монти Эллек был не просто председателем компании «Глобалэкс» – здесь он заправлял всем. Эллек исполнял обязанности управляющего директора, возглавляя совет, который собирался раз в год и заседал около часа. Из одиннадцати других директоров только двое разбирались в бизнесе компании с практической стороны. Эллек отобрал в совет именно этих людей из-за их высокого положения. Одни получили его по праву рождения, другие добились благодаря заслугам. В любом случае и те и другие вращались в кругах богатых и знаменитых, а значит, свободно могли находить и рекомендовать новых выгодных клиентов. В совет директоров входил один герцог, два графа, четыре рыцаря, три возглавляющих международные компании мультимиллионера, выбившиеся из самых низов, а также государственный секретарь торговли и промышленности Великобритании. Все получали солидное вознаграждение за каждого нового клиента, которого находили для компании, а также часть процента со всех сделок, осуществлявшихся от имени этих клиентов. Что касается последнего пункта, тут Эллек их бессовестно обманывал, но так ловко, что все эти важные персоны даже об этом не догадывались.

Сэр Монти сделал большую карьеру. Его дед, Барух Эллекштейн, перебрался в Англию из Литвы и зарабатывал на жизнь тем, что продавал с тачки чугун на Лиденхолл-стрит. Дом номер 88 на Минсинг-Лейн располагался всего в паре сотен ярдов от этого места, но в фигуральном смысле расстояние было пройдено огромное. Отец Эллека сообразил, что есть гораздо более легкие способы заработать на металле, чем таскать по улицам тяжеленные тачки, и основал компанию «Глобалэкс». Он же переименовал фамилию семейства на английский манер. С этого и началось обогащение и процветание Эллеков. Семнадцать лет назад, вставляя в розетку купленный для жены миксер «Кенвуд», Джозеф Эллек случайно получил сильный разряд тока. Когда пятнадцать минут спустя на кухню вошла миссис Эллек, ни ее супруг, ни миксер не подавали признаков жизни. Миссис Эллек не знала, что провода в их доме изготовила фирма, приобретающая медную проволоку через «Глобалэкс». Впрочем, ее бы это вряд ли утешило.

Компанию возглавил Монти Эллек, единственный сын Джозефа, и сразу взялся за дело с огромным энтузиазмом и пылом. В течение последующих десяти лет

открыл филиалы «Глобалэкс» по всему миру. Благодаря ему один из премьер-министров Великобритании заработал прибыль в размере пятисот тысяч фунтов менее чем за полгода. За эти выдающиеся заслуги Эллек был произведен в рыцари. Женат он был на страдающей избыточным весом женщине, проводившей дни в неге и праздности то в одной из многочисленных резиденций Эллека, то в другой. Выбор был большой – Сент-Джонс-Вуд, Глостершир, Гштаад, Сардиния, Майами. Сын четы Эллек, также отличавшийся чрезмерной тучностью, страдал врожденным дефектом умственного развития, результатом которого были его отчаянные попытки основать кибуц – еврейскую сельскохозяйственную коммуну – в совершенно не подходящем для этого по климату месте, на Шетландских островах. Еще у Эллеков были две, мягко говоря, пухленькие дочки, чья главная и единственная амбиция, видимо, состояла в том, чтобы обогнать по весу мать.

Именно Эллек придумал для компании рекламный слоган: «Пока вы спите, «Глобалэкс» не дремлет». Особенно Эллек любил похвастаться перед потенциальными клиентами, рассказывая, что у компании есть офисы во всех часовых поясах: «Даже ночью где-то в другой части света «Глобалэкс» заботится о вашем благосостоянии».

Сэр Монти Эллек не только удивительно талантлив во всем, что касается зарабатывания денег, размышлял Рок, поднимаясь на шестой этаж дома номер 88 на Минсинг-Лейн. В том, что касается умения их тратить, ему тоже нет равных. Разница между четвертым этажом, где работал Рок, и шестым, где располагался кабинет Эллека, была примерно такая же, как между бизнес- и экономклассом самолета. Нет, никаких броских, кричащих деталей не было. Все было выдержано с большим вкусом, однако сразу чувствовалось, как атмосфера неуловимым образом меняется. Взять хотя бы пушистое ковровое покрытие на полу и дубовые панели на стенах, не говоря уже о картинах. Необязательно было разбираться в искусстве, достаточно было просто прочесть скромные подписи – Гейнсборо, Тициан, Рейнольдс, Клод, Констебл, Вермеер, Халс. Причем все эти полотна великих художников были представлены в оригинале.

От всего вокруг буквально веяло богатством. Каждый раз, шагая по этому коридору, Рок ощущал благоговение, зависть и отчаянное желание самому добиться того же. Если посчитать стоимость всех предметов обстановки, находящихся только здесь, получится сумма, которой большинство не видело за всю жизнь. Даже делая каждую неделю ставки в букмекерской конторе

и неизменно выигрывая, столько не заработаешь.

Сам кабинет Эллека напоминал будуар дорогой куртизанки – скорее всего, потому, что декором занималась его жена. Здесь причудливо сочетались стили эпохи Людовика XIV, Людовика XVI, Роберта Адама и Томаса Чиппендейла. Нашлось место и для современного стиля, и для мебели из «Хэрродс». Фризы были позолоченные, а стены радовали глаз сочетанием лимонно-желтого и пастельно-розового. Напольное покрытие вишневого цвета сверху было застелено персидскими коврами.

Рока встретила секретарша, услугами которой Эллек пользовался уже семнадцать лет. Мисс Джейн Уэллс работала еще на отца Монти Эллека. Проведя Рока внутрь, секретарша скромно удалилась, закрыв за собой дверь.

Эллек сидел за стоявшим посреди комнаты резным столом из красного дерева, больше напоминающим туалетный столик. А стул с высоченной спинкой с легкостью можно было принять за украденный у вождя африканского племени трон. Сиденье было таким высоким и мягким, что даже после того, как Эллек распорядился подпилить у стула ножки, его короткие ноги все равно не доставали до пола. Высоким ростом председатель правления «Глобалэкс», мягко говоря, не отличался, да и голос имел тонкий. Когда он говорил, лицо у него подергивалось и от волнения, и от нервного тика, поэтому выражение этого лица разгадать было всегда трудно. Эллек почти полностью облысел, зато брови его отличались густотой и кустистостью. Когда Эллек хмурился – а делал он это примерно каждые пять секунд, – они принимали и вовсе экзотическую форму.

– Здравствуй, Алекс. Садись.

Эллек сделал приглашающий жест ручкой с пухлыми пальцами. Рок посмотрел по сторонам, обратив внимание на парные розовые кушетки Викторианской эпохи, темно-зеленый честерфилдский диван и маленькое ярко-зеленое кресло возле окна. Что и говорить, посидеть здесь было на чем, но все эти предметы мебели были расположены далеко от стола. После недолгих колебаний Рок опустился в ярко-зеленое кресло.

Формальностей Эллек не любил, поэтому сразу перешел к делу:

– Из-за нападения Израиля на «Осирак» цены на многие металлы подскочили.

Рок кивнул:

– Да. Особенно на золото, сэр Монти.

– А еще на серебро, цинк, свинец и медь.

Далее председатель правления по памяти назвал цены на все названные им металлы. Року оставалось только согласно кивать.

– Наверное, рад, что рынок наконец оживился? – спросил Эллек.

– Пока трудно загадывать, сколько это продлится.

– До сих пор едешь на этом своем «порше»?

В голосе Эллека звучало явное неодобрение. Вообще-то Алексу полагался служебный автомобиль, но председатель наотрез отказывался приобретать для сотрудников иномарки. Если хотят иностранную машину, пусть покупают за свои деньги.

– Да, сэр Монти.

– Может, лучше выберешь что-нибудь британское? Сам знаешь, платить тогда будет компания.

– Спасибо за предложение, сэр Монти, но в ближайшее время обзаводиться британским автомобилем не планирую.

Пожав плечами, Эллек взглянул на часы:

– Двадцать минут пятого. Ровно в четыре тридцать, и ни минутой позже, начинай продавать золото. И чтобы к пяти часам ничего не осталось! У тебя много обеспеченных и влиятельных клиентов. Нельзя, чтобы они остались... недовольны.

– Думаю, цена поднимется еще на несколько долларов, – с некоторой обидой и вызовом возразил Рок.

Брови Эллека тут же высоко взлетели, будто два гигантских мохнатых мотылька. Он причмокнул губами со звуком, весьма напоминающим чавканье, когда идешь по вязкой грязи в резиновых сапогах.

– А если не поднимется? Готов взять на себя ответственность за убытки?

– Разумеется, нет, сэр.

– Много денег сегодня заработал для клиентов?

Рок кивнул.

– Надо думать, покупал, когда цена была четыреста девяносто восемь? – уточнил Эллек.

Некоторое время Рок молча смотрел на начальника. Как лучше ответить, он не знал и решил сказать правду – вернее, почти правду.

– Нет, сэр Монти. Дождался, пока цена не вырастет до пятисот девяти.

– Почему? – вежливым, даже слишком вежливым тоном уточнил Эллек.

– Хотел убедиться, что тенденция к росту достаточно устойчивая.

– Понимаю, – все с той же чрезмерной вежливостью ответил Эллек. – Когда Израиль разбомбил «Осирак» в 1981 году, пресса назвала этот единичный акт агрессии самым масштабным со времен атаки японцев на Пёрл-Харбор. Сегодня Израиль снова напал на «Осирак» – то есть нынешний акт агрессии, видимо, второй по масштабности после Пёрл-Харбора. Весь мир спешит покупать, покупать и покупать, и только Алекс Рок сидит и чего-то ждет.

– Мне показалось, так будет благоразумнее.

На сей раз брови Эллека опустились почти к самому носу. Теперь он оставил вежливый тон.

– Из-за тебя шесть наших самых крупных клиентов потеряли по десять долларов с унции. И это ты называешь благоразумием? А после этого еще имеешь наглость не соглашаться с моим решением и давать советы? Возвращайся в офис, Алекс Рок, и начинай продавать в половине пятого, как я тебе велел. Если в пять часов продано будет не все, считай, что оставшееся золото переходит в твою личную собственность. Тебе за него и платить, ясно?

– Совершенно ясно, – кивнул Рок.

Эллек опустил голову и принялся перебирать бумаги у себя на столе. Потом два раза кивнул и махнул рукой, давая Року понять, что тот может идти.

Направляясь к лифту, Рок кипел от гнева, хотя, учитывая обстоятельства, понимал, что легко отделался. Он был абсолютно уверен, что золото подрастет еще как минимум на несколько долларов. Интересно, почему Эллек убежден в обратном? А главное, зачем такие точности – продавать ровно в половине пятого? Способностями предсказателя Эллек не обладает, а значит, ему что-то известно, но что? Теперь Рок будет следить за динамикой еще с большим интересом, чем раньше.

Ровно в четыре тридцать сердце Дэниела Бенхакера остановилось. Хирург, стоявший у стола в операционной номер один больницы в Уэст-Миддлсекс, сделал инъекцию адреналина. После этого сердце забилося снова, но хватило его всего на тридцать секунд. Хирург, Харви Джонстон-Кейнс, покачал головой и взглянул на висевшие на стене часы. Сегодня вечером они с женой собирались в театр на пьесу Алана Эйкборна. На этот спектакль супруги Джонс-тон-Кейнс пытались попасть уже дважды, и оба раза Харви пришлось отменить поход в театр из-за срочных операций. Жена, естественно, и без того на него злилась, а теперь дело явно шло к тому, что и эту попытку вырваться на культурное мероприятие ждет судьба предыдущих. Если пациент скончается прямо сейчас, этим он сильно облегчит Харви жизнь. И вообще, учитывая, в каком он состоянии, пятичасовая операция рискует оказаться временем, затраченным впустую. Парень потерял слишком много крови, сил бороться у него просто нет. Харви едва подавил соблазн стянуть перчатки и объявить: «Мы его потеряли». Однако так поступить не позволяла совесть. Вместо этого Харви коротко бросил:

– Кальций!

Сделал еще одну инъекцию. Через полминуты сердце Бенхакера снова размеренно и ритмично билось.

К пяти часам если у кого-то из клиентов Алекса Рока и осталось золото, то лишь в тайнике под кроватью или в виде вставных зубов. В «Глобалэкс» же у них ничего не осталось. Некоторые, особенно Джоэл Саймс, отнеслись к идее безо всякого восторга. Барон и вовсе рвал и метал.

– Хочешь поскорее отделаться и смыться домой пораньше! – орал он в трубку. – Что, с утра натрахаться не успел?

– Не расстраивайтесь, Гарри. Поговорил с коллегами из отдела потребительских товаров. Вместо золота для вас купят отличный латекс.

К семнадцати пятнадцати цена на золото не менялась уже на протяжении часа и десяти минут. В семнадцать двадцать пять упала на один доллар. В семнадцать тридцать пять – еще на два. Рок сидел, не отводя глаз от монитора «Рейтер». Лондонский рынок закрылся, но при желании за динамикой можно было следить весь вечер и всю ночь. В Нью-Йорке было на пять часов меньше, чем в Лондоне, поэтому торги были еще в самом разгаре. Когда закроется Нью-Йоркская фондовая биржа, можно наблюдать за ситуацией в Чикаго – там на час меньше. А потом настанет утро в Гонконге. В общем, не успеешь оглянуться, как снова заработает биржа в Лондоне.

Но Рок, разумеется, всю ночь здесь сидеть не собирался. Офис он покинул в половине восьмого вечера. Когда он вставал из-за стола, цена на золото упала уже на двенадцать долларов.

Шел дождь. Рок вырулил с парковки и покатил по Минсинг-Лейн. Ехал он медленно: надо было о многом подумать. Сегодня Эллек дал ему не просто совет, а приказ. Причем был на сто процентов уверен, что поступать следует именно так. Эллек по происхождению еврей и активно помогает деньгами Израилю. Может, в благодарность кто-то оплатил Монти услугой на услугу? Вполне возможно. Однако ситуация озадачивала. Если Эллек и вправду получил инсайдерскую информацию, то ему было заранее известно о готовящейся атаке. Это объясняло, откуда он знал, когда покупать. Но оставался вопрос: как Эллек узнал, когда продавать? На каком основании он решил, что цена на золото будет падать? А она по непонятной причине падала, причем сильно. Обычно цена

понижается, когда много продают. Однако даже того немалого количества золота, которое сбыл Рок, не хватило бы, чтобы так обрушить цену. Конечно, кроме Рока, были и другие продавцы... И все же как Эллеке мог предвидеть развитие ситуации? Что это было – интуиция? Результат многолетнего опыта? Незаурядная проницательность? Или нечто совсем другое? Как бы там ни было, в одном Рок был уверен: сэру Монти Эллеке помогло что-то еще, кроме чутья.

Рок включил стереосистему и поставил старый альбом Элтона Джона. Слушая эту музыку, всегда вспоминал семидесятые. Сразу нахлынуло ностальгическое настроение. Даже стало немного грустно. Рок погрузился в воспоминания о своем двадцать первом дне рождения. Сколько же всего произошло за эти десять лет! Рок женился на Полине, похоронил обоих родителей, едва не пошел по миру, развелся с Полиной. Каждый раз, когда Рок думал о родителях, его охватывала глубокая печаль. Отец, Антон, всю жизнь страдал от двух, как он считал, изъянов. Первый – непроизносимая польская фамилия, которую сын сократил до Рок. Второй – бедность. В 1938 году отец бежал из Польши в Англию, спасаясь от гитлеровских войск. Там познакомился с медсестрой, матерью Алекса. Поженились они в 1940 году. Крепким здоровьем мать не отличалась. Десять лет и бессчетное количество выкидышей спустя у пары наконец появился единственный ребенок. Когда Алексу было пятнадцать, у матери обнаружили редкое заболевание почек. Чтобы спасти бедную женщину, требовалось срочно подключить ее к аппарату «Искусственная почка». У больницы в южном Лондоне – а именно в этом районе проживало семейство – денег на подобную аппаратуру не было. У Антона же они отсутствовали тем более. Алекс, хотя в то время и готовился к экзаменам, по утрам перед школой начал разносить газеты. Потом устроился в ночную смену на фабрику по производству глюкозы, где трудился после уроков шесть дней в неделю. Отец, работавший портным, тоже крутился как белка в колесе и шил круглыми сутками. Однако незадолго после того, как они совместными усилиями скопили пятнадцать процентов от задатка, который требовалось внести за аппарат, мать Алекса скончалась. Спустя четыре года отец, которому к тому времени исполнилось шестьдесят два, перенес несколько инфарктов подряд. Врачи сказали Алексу, что артерии отца находятся в плачевном состоянии. Антону требовалась серьезная операция, в ходе которой поврежденные артерии должны быть заменены здоровыми, взятыми из ног. Если все пройдет успешно, отец сможет вернуться к нормальной жизни. Если же нет, то больше нескольких месяцев не проживет. Очереди на операцию были огромные, поэтому в государственных клиниках пациентам старше шестидесяти ее не делали. Оставался единственный выход – обратиться в частную клинику. Но там с больных требовали семь тысяч фунтов.

У Рока и его отца столько денег не было. Отец сдавал и помещения в своей мастерской, и комнаты в квартире, где они жили, однако ощутимого дохода это не приносило. Рок, к тому моменту трудившийся курьером на Лондонской фондовой бирже, устроился еще на вечернюю работу, на этот раз на завод, изготавливавший бутылки. На неделе работал в ночную смену, в выходные брал две смены подряд. Но прежде чем удалось скопить первые пятьсот фунтов, у отца случился еще один инфаркт, через три дня после которого он умер.

Рок помнил, какую печаль и горечь ощущал, когда гроб отца медленно опускали в землю. Он потерял единственных двух человек, которых любил, остался сиротой и лишился родных только потому, что не было денег на лечение. И тогда Рок дал себе клятву. Никогда и ни при каких обстоятельствах он больше не окажется в такой ситуации. Он всегда будет в состоянии спасти тех, кого любит.

Рок чувствовал, что, решив стать брокером, поступил верно. Но чтобы добиться успеха в этом деле, действовать надо очень осмотрительно. Начал Алекс с того, что сократил непроизносимую польскую фамилию. Конечно, жаль было рвать последнюю оставшуюся связь с прошлым, но одновременно Рок почувствовал себя так, будто сбросил обременительное ярмо. К его удивлению, коллеги перестали звать его «этот поляк». Теперь он стал для них просто Алексом Роком. Конечно, это еще не победа, но уже первый шаг в нужном направлении.

От воспоминаний Рока отвлекли мысли о сегодняшнем аврале. Он попытался отмахнуться от них, но безуспешно. Размышления о рабочих делах никогда не оставляли его надолго – однако такая же проблема была у всех коллег. Впрочем, трудно отвлечься и расслабиться, когда резкие колебания на рынке могут произойти в любое время дня и ночи. Большинство брокеров меняли профессию, не достигнув и сорока. Иначе рисковали очутиться в реанимации с сердечным приступом. Просто так, под настроение прогулять несколько рабочих часов было в «Глобалэкс» поступком неслыханным. Нужно все время держать руку на пульсе. Рок же рискнул и проиграл. С другой стороны, рассудил он, Аманда – девушка особенная. Ради нее стоило получить нагоняй и от начальства, и от клиентов. Вместе они провели чудесные выходные. Ездили в Беркшир, в гости к его друзьям. В первый раз с тех пор, как они начали встречаться, Аманда два дня подряд не упоминала имени, которое Рок уже слышать не мог, – Бенхакер.

Он совершенно искренне не понимал, что Аманда вообще нашла в этом типе. Одно только рябое лицо чего стоит... Рок, правда, ни разу не встречал Бенхакера и даже фотографии не видел, но почему-то всегда представлял бывшего бойфренда Аманды с рябым лицом.

– Мерзкий типчик, – так говорил о Бенхакере Рок.

– Ты просто ревнуешь, – поддразнивала Аманда.

– Да еще вдобавок коммунист, – не сдавался Рок.

– Он, конечно, левых взглядов, но коммунизмом вроде не интересуется.

– Эти страховые оценщики вообще неприятный народец.

– Подозреваю, он от брокеров тоже не в восторге. Ну, хватит, Алекс, сколько можно об одном и том же? И вообще, Дэнни тебе не соперник. Вовсе ни к чему точить на него зуб. Мы с ним встречались целых полтора года, а он даже не пытался меня удержать. Так что никаких поводов злиться у тебя нет. Пусть лучше Дэнни злится. А уж в этом, поверь на слово, он мастер.

– Бенхакер знает, что ты ушла именно ко мне?

– Нет. И я очень постараюсь, чтобы не узнал.

– Почему?

– Он вообще-то довольно странный. Есть в нем какая-то... даже не знаю, как описать... агрессивность, что ли?

– Приятно слышать.

– Но ты не волнуйся, он тебе ничего не сделает, – улыбнулась Аманда.

– Я и не волнуюсь, – ответил Рок.

Стоя на светофоре около Вестминстерского моста, Рок вспоминал этот разговор. Слева в блестящем спортивном автомобиле «мазда» сидел молодой мужчина примерно его возраста. Одет броско, кричаще. Судя по количеству дорогих аксессуаров, украшавших и водителя, и машину, чрезвычайно горд и собой, и своим автомобилем. Краем глаза Рок наблюдал, как владелец «мазды» разглядывает и его, и «порше», стараясь не показывать, что ему завидно. Справа от Рока красовался огромный белый «роллс-ройс» с затемненными стеклами и телевизионной антенной на крыше. Рок сразу подумал об Эллке и огромной империи, которой тот владеет. Сейчас Року тридцать один, а значит, самое позднее через десять лет надо будет менять род занятий, и тогда – прощайте, солидные комиссии. Большинство других брокеров вздыхали с облегчением, когда появлялась возможность перейти на более спокойную работу, где зарплата и стабильнее, и выше. Но у Рока была другая ситуация. Столько, сколько он получал сейчас благодаря богатым клиентам, Рок не заработает нигде.

Он задумался. В последнее время подобные мысли посещали его все чаще и чаще. Все эти три года Року везло. Смог внести солидные первые взносы и за квартиру на Рэдклифф-сквер, и за коттедж в Клейтоне, и за «порше». Однако все эти три удовольствия обходились весьма недешево. Платить по двум закладным и вносить деньги за «порше», не говоря уже об алиментах Полине! Рок не мог позволить себе потерять ни пенни от своего среднего заработка. Но просто перебиваться кое-как он не хотел. Рок мечтал стать богатым, как Элле. Конечно, он понимал, что между ним и председателем правления компании лежит пропасть, глубокая и широкая. Так что, если Рок и впрямь хочет оказаться по другую ее сторону, следует поторопиться.

* * *

Сегодня они с Амандой ужинали в ресторане «Гренуй», где истратили сорок пять фунтов на бутылку «Пуже» 1957 года. Пахло от вина как от чая, какой получается, когда несколько раз используешь одну и ту же заварку. Вкус тоже был какой-то затхлый. Однако и Рок, и Аманда заявили, что ничего изысканнее не пробовали, и изрядно поднабрались.

Из ресторана поехали в ночной клуб «Трамп». Там Рок заказал бутылку «Крюг» и два стакана свежавыжатого апельсинового сока. Они расположились в дальнем углу и, откинувшись на спинку кожаного дивана, лениво следили

за дикими плясками других гостей заведения. Обстановка зала впечатляла – роскошная мебель, люстры, мягкое освещение.

Рок обнял Аманду за плечи и поцеловал.

– Ну как, довольна? – спросил он.

– Да, – ответила Аманда. – А ты?

– Очень.

– Просто очень или очень-очень?

– Что? Не слышу!

Из-за грохота музыки разговаривать здесь было трудно, даже сидя бок о бок. Приходилось кричать.

– Я спросила: просто очень или очень-очень?

– Очень-очень, конечно.

Тут Аманда повернулась к нему:

– Алекс, о чем ты мечтаешь?

– В смысле, кроме тебя?

Аманда улыбнулась и с довольным видом кивнула.

– Дай угадаю. Наверное, хочешь стать миллионером?

Некоторое время Алекс задумчиво молчал.

– Нет, – наконец ответил он. – Миллионером быть не хочу. Лучше стану миллиардером.

Тут призадумалась Аманда.

– Надо же, как странно, – произнесла она. – А меня деньги совсем не интересуют.

– Это потому, что они у тебя есть.

Аманда затушила сигарету «Джон Плейер спешал».

– Может, домой поедem?..

В четыре часа ночи Рок проснулся от резкого, пронзительного звука. Приоткрыл глаза, потом снова закрыл. Будильник буквально надрывался. Вдобавок одновременно звонили в дверь. Морщась, Рок вытянул руку, собираясь выключить будильник, но задел стоявший рядом на тумбочке стакан с водой. В результате тот упал на ковер.

– Вот черт!

Потом Рок сшиб масло, которым они с Амандой пользовались, и оно конечно же тоже пролилось.

– Ну что за дерьмо!..

Следующей упала так и не потушенная свеча. Руку Алекса обожгло горячим воском. Он упорно продолжал нащупывать часы и только через некоторое время сообразил, что у него нет будильника, да и в дверь никто не звонит. Однако противный звук не стихал. Наконец пальцы наткнулись на пластиковый предмет, который полетел с тумбочки вместе со всем остальным. И стало тихо.

– Телефон! – сообразил Алекс и поспешил поднять аппарат, хотя скользкими от масла пальцами это было сделать сложно. – Алло, – невнятно пробормотал он в трубку.

– Здорово, Рокки! Как жизнь? – бодро прогрохотал на другом конце провода густой бас.

– Это кто? – спросил Рок, хотя прекрасно узнал звонившего. Просто не мог приветствовать его с тем же энтузиазмом.

– Как это – кто? Тео! Привет из Нью-Йорка! Со мной тут сейчас одна красотка, которая очень хочет с тобой познакомиться! Погоди, уже передаю трубку...

На другом конце провода раздался очень пьяный женский голос с сильным калифорнийским акцентом:

– Привет, Рокки, как дела?

– Отлично, лучше не бывает, – простонал Рок.

– Тео мне про тебя столько рассказывал! Такое чувство, будто со старым другом говорю.

– Вот и сделай одолжение по старой дружбе – дай поспать.

– Хорошо-хорошо. Очень приятно было с тобой пообщаться. Судя по голосу, ты красавчик. Скажу Тео, чтобы в следующий раз обязательно привез тебя. Ну, спокойной ночи!

– Спокойной ночи...

– А вот и я! – снова радостно загремел в трубке голос с итальянским акцентом.

– Значит, ты сейчас в Нью-Йорке? – пробормотал Рок. Тео Барбьеро-Руш, товарный брокер, был самым крупным итальянским клиентом «Глобалэкс» – причем не только по богатству, но и по телосложению. Вес его давно уже перевалил за сто двадцать килограммов. Тео использовал «Глобалэкс» для проворачивания многочисленных сделок, которые скрывал от итальянской налоговой службы.

– В четверг в Сандауне бега. Участвует моя лошадка. Подумал – дай-ка съезжу посмотрю.

– А заодно решил разбудить меня посреди ночи. Ах ты, макаронник жирный! Знаешь, сколько сейчас времени в Лондоне?

– Сколько – чего? Извини, плохо слышно.

Тут рядом с Роком заворочалась Аманда и что-то пробормотала во сне.

– Ладно, проехали, – вздохнул Рок. – Наверное, все выходные там проведешь? И подружку свою с собой захватишь?

– Обязательно! И мужа ее прихватим за компанию! – захохотал итальянец.

– Спасибо, что не забываешь, толстяк. Приедешь в Англию – дай знать.

– Договорились, Рокки. Кстати, забыл спросить: у тебя-то какие планы на вечер? С девчонками, наверное, тусишь?

– Уже потусил. У нас вечер давно закончился.

– Ну ладно, чао, Рокки.

– Пока, толстяк.

Рок попытался положить трубку, но в темноте промазал, и она со стуком упала на пол. А когда Рок попытался поднять ее, следом за трубкой с тумбочки свалился и аппарат.

– Кто звонил? – сонным голосом уточнила Аманда.

– Да так, итальянский клиент. Уже пятнадцать лет по всему миру путешествует, а в часовых поясах все никак не разберется.

Аманда тут же заснула снова. Рок же лежал рядом, страдая от мучительной головной боли. Вставать и идти в ванную, где в шкафчике с лекарствами лежал парацетамол, было неохота, но, похоже, все-таки придется. Теперь у Рока сна не было ни в одном глазу. Он снова подумал об Эллке и сегодняшних событиях. Вспомнил роскошно обставленный кабинет, мысленно подсчитал богатства, которыми владеет Монти и его семья, а потом сравнил их со своими, гораздо более скромными. В Лондоне Эллки живут в районе Маленькая Венеция, в Сент-Джонс-Вуд, и любят вид на канал. А неподалеку от города Страуд в Глостершире им принадлежит обширное поместье – не меньше двух тысяч акров земли. На вилле на Коста-Смеральда, в квартире в Майами и шале в Гштааде постоянно проживает прислуга. И это только частная собственность Эллеков. Есть еще принадлежащие компании квартиры – тоже роскошно обставленные и тоже с прислужкой. Всего их четыре – на Парк-авеню в Нью-Йорке, в Чикаго, в Гонконге и в Цюрихе. Не говоря уже о яхте длиной сто тридцать футов, которая тоже содержится за счет «Гло балэкс». Однако доступ ко всем этим приятным мелочам имеет только один сотрудник – сэр Монти Эллек. И транспортных средств у него столько, что не сосчитать. Двух моторный самолет «мицубиси-солитер», вертолет «элвстрем», бронзовый «роллс-ройс-сильвер-спирит», бордовый «Мерседес 500 SEL» и целый автопарк других машин, предназначенных для разных целей. На одних Эллек ездил по проселочным дорогам своей усадьбы, на других ловко парковался возле магазина «Хэрродс».

Должно быть, состояние Монти Эллека составляет двести миллионов фунтов, не меньше, рассудил Рок. Он же за прошедший год заработал чуть больше пятидесяти тысяч, причем исключительно благодаря блестящему списку клиентов. Если Рок потеряет кого-то из них, доходы снизятся, причем очень заметно. А в случае, если Рок будет продолжать в том же духе или даже улучшит показатели, к сорока годам он, возможно, сумеет накопить, за вычетом налогов, тысяч двести. Да и то если будет экономить и инвестировать свои средства крайне осторожно. А значит, Року в лучшем случае светит обзавестись одной десятой частью богатства Эллека. Перед тем как Рок забылся беспокойным сном, последней мыслью его была такая: если он хочет стать таким же богатым, как Эллек, необходимо тоже найти способ добывать инсайдерскую информацию. А узнав, на какой товар взлетит цена, потихоньку, никому ничего не говоря, приобрести его и таким образом приумножать свое богатство.

Покрытая вмятинками поверхность мяча для гольфа «Данлоп DDH», лежащего на позолоченной метке, поблескивала на солнце. Маленькими черными буквами на метке и на мяче были выведены инициалы «Т. Б.-Р.». Безупречно отполированная графитовая клюшка для гольфа «Пинг» неуверенно замерла примерно в трех дюймах от земли, прямо за мячом. Потом медленно поднялась и снова опустилась. Затем игрок не спеша, плавно отвел ее назад. Описав красивую дугу, клюшка устремилась вверх, пока не оказалась в идеальном положении. Она указывала точно на желтый флаг на расстоянии четыреста пятидесяти ярдов от метки.

– Кофе, – произнес Тео.

Клюшка между тем устремилась обратно вниз, повторяя тот же путь, который только что проделала, и быстро набирая скорость. Тео слегка повернул ее и нацелился на мяч. Это был классический замах – все по учебнику. В двух футах от мяча клюшка почти незаметно ушла вправо и правым краем ударила по левой нижней части мяча. В результате тот отлетел на три фута шесть дюймов под углом девяносто градусов от того места, где стояла треснувшая от удара метка. Клюшка же продолжила полет и, зарывшись в траву, словно лопата, выкопала кусок дерна размером около фута.

Тучный итальянский мультимиллионер от злости затрубил, будто слон, которого ужалила в интимное место оса.

В ярости Тео еще сильнее разворотил ни в чем не повинный дерн. Посмотрел по сторонам. Другие гольфисты глядели на него с каменными лицами. Тео знал, о чем думают эти игроки, и полагал, что они совершенно правы. Своей очереди бедняги дождутся не скоро – после такого разгрома поле еще надо будет привести в порядок.

– Что ж, не повезло. Бывает, – прокомментировал Рок, пытаясь скрыть усмешку. На кону было сто фунтов, поэтому проигравшему на искреннее сочувствие от победителя рассчитывать не приходилось. Мяч Рока лежал в двухстах десяти футах от метки, в самом центре фервея. Стоя перед первой лункой гольф-клуба «Дайк», можно было насладиться красотами Брайтона и Хова, а также разглядеть высокие трубы электростанции в Шорем-Харборе и море,

над которым висела легкая дымка.

– Значит, думаешь, что кофе? – уточнил Рок.

– Уверен, – ответил Тео, доставая из своей сумки для гольфа от Гуччи клюшку номер три и направляясь к мячу. Подался вперед, чтобы разглядеть его из-за огромного живота, отвел клюшку назад и энергично размахнулся. Мяч остался там же, где и был, зато дерн отлетел ярдов на двадцать, не меньше.

Тео замахнулся снова. На этот раз вместе с травой и землей мяч пролетел по прямой футов девять по направлению к флажку. Итальянец хрюкнул и, размахивая клюшкой номер три, точно томагавком, устремился вперед, таща за собой тележку, точно мать упирающегося ребенка.

Рок и Тео вместе подошли к мячу. Итальянец сгреб его в кулак.

– Ладно, пошли.

Сунул мяч в карман, и оба зашагали по фервею к мячу Алекса.

– Почему ты так уверен насчет кофе? – поинтересовался Рок.

Итальянец остановился и, прежде чем ответить, запихнул клюшку обратно в сумку. Некоторое время Рок разглядывал массивную фигуру Тео, приобретшую такие внушительные пропорции благодаря легендарному деловому чутью. Он не только смог заранее предсказать десять самых значительных взлетов цен за десять лет. В опубликованных им статьях на эту тему Тео в девяти случаях из десяти смог назвать точные даты, когда цены начнут расти и когда перестанут. Книга Тео «Замороженная свиная грудинка и я», конечно, не потеснила с первых мест в рейтингах международные бестселлеры, но большинство товарных брокеров из разных стран могли с ходу припомнить около полудюжины цитат из этого труда.

– Бразилия поставляет примерно одну треть всего кофе в мире. За прошлый год – два с половиной миллиона фунтов.

Дошли до мяча Рока. Тот взял его, и два брокера продолжили путь.

– Урожай созревает в июле. Для кофе опасность представляют две вещи – болезнь, которая называется кофейная ржавчина, и ранние заморозки. Даже если в Бразилии соберут полноценный урожай, недостаток кофе будет ощущаться весь год. Причины – возросший спрос, а также кофейная ржавчина, разгулявшаяся во многих крупных странах-экспортерах – особенно в Колумбии, Мексике, Сальвадоре и Эквадоре. Короче говоря, цены будут расти.

Итальянец ненадолго остановился, закатал брючину и почесал ногу. Между тем они дошли до второй лунки.

– У меня в Милане очень навороченная компьютерная система. Распорядился, чтобы прочесали всю историю метеонаблюдений в Бразилии для этого времени года за пятьдесят пять лет. Так вот, сейчас погода такая же, как в 1976 году, а тогда ранние заморозки в июне погубили весь урожай. Давай, ты первый, – прибавил Тео, махнув рукой.

Рок взял клюшку и наклонился, ставя свой мяч на метку. Потом отошел на порядочное расстояние, несколько раз взмахнул клюшкой, сделал пробный замах и остался доволен результатом. Рок шагнул вперед, тщательно прицелился, ориентируясь по флажку, за которым фервей уходил круто вниз и скрывался из вида. Потом привел клюшку в нужное положение, замахнулся, изготовился и нанес по мячу поистине безупречный удар. Попал точно туда, куда нужно. Мяч решительно устремился к цели – сначала летел по воздуху, потом катился по траве, сначала сто ярдов вверх, потом тридцать ярдов вниз. Когда, забрав чуть-чуть влево, он скрылся из вида, Рок, все еще державший в руках клюшку, испытывал глубокое удовлетворение и торжество.

– Вот это удар! – воскликнул Тео всего лишь с легкой горечью в голосе. Достал свою клюшку из сумки и окинул взглядом фервей. Справа виднелась рощица. Тео без всякого энтузиазма покосился на нее.

– И много тут деревьев?

– Довольно много, так что постарайся, чтобы мяч не залетел туда. Старайся бить левее.

– Ладно, – неуверенно произнес итальянец. Снова бросил взгляд на деревья, воткнул метку в землю и положил на нее мяч. Отошел и начал готовиться

к удару. Чтобы мяч точно не оказался среди деревьев, развернулся под углом сорок пять градусов от них. Расшвыривая шестидюймовые клочки дерна во все стороны, сделал три пробных замаха. Потом очень медленно замахнулся, но перестарался и завел клюшку слишком далеко назад, сам едва не потеряв равновесие. Потом, утробно фыркнув, вложил в удар всю силу и резко мотнулся вперед всем телом. Клюшка с огромной скоростью ста миль в час пронеслась в шести дюймах над мячом и ткнулась в траву. Тео шумно выдохнул и предпринял вторую попытку. И снова вся сила удара досталась дерну. Рок страдальчески поморщился, радуясь, что они ушли от первой лунки, где народу было намного больше. Если Пол Лонгмор, хозяин клуба, узнает, какого «умелого» игрока привел в качестве гостя один из членов «Дайк», выгонит Рока с позором.

Между тем итальянец успокоился и приготовился к следующей попытке. На этот раз по мячу Тео попал. Вместе с остатками расколовшейся от удара метки мяч взлетел вверх.

– Есть! – воскликнул Рок.

Оба наблюдали, как мяч набирает высоту, – Рок с плохо скрываемым весельем, итальянец, наоборот, с унынием. Мяч резко ушел вправо и начал падать так же стремительно, как и взлетел, а потом приземлился прямоком посреди рощицы. Оба стояли и молча глядели на деревья, среди которых мяч скрылся из вида. Через некоторое время он с громким треском отскочил от ствола дерева и с гораздо более тихим звуком упал в низкую густую поросль.

– Мамма мия!

Тео глубоко вздохнул, взял другой мяч и снова прицелился. Но и этот мяч повторил судьбу собрата, улетев в те же деревья. По предположению Рока, приземлился он где-то дюймах в шести от первого мяча.

– Пошли, – пробурчал итальянец, сердито запихивая клюшку обратно в сумку.

Рок отвернулся, чтобы Тео не увидел его торжествующей улыбки, и оба зашагали по фервею.

– Они точно будут? Ну, заморозки, – уточнил Рок.

– А как же иначе? При таких погодных условиях без заморозков не обойдется. Я бы тебе советовал прикупить немного кофе для себя. Он взлетит... как вы там выражаетесь?.. до облачных высот.

– До заоблачных, Тео, – поправил Рок.

– Вот именно.

Три часа спустя обогатившийся на сотню фунтов Рок расположился на водительском сиденье «порше». Мрачный Тео же старательно впихивал свой немаленький живот на заднее.

– Дурацкая игра этот твой гольф, – уже в десятый раз повторял он. Да и что еще можно было сказать при таких результатах: всего два пара, один игл[1 - Пар – количество ударов, которые гольфист должен совершить на одной лунке или на всем поле при удачной игре. Игл – количество ударов на одной лунке на два удара ниже, чем пар.], три раза по девять лунок, в двенадцать так и не попал, да еще вдобавок потерял шестнадцать мячей.

– Ничего, Тео, завтра отыграешься.

– Ясное дело, – безо всякой уверенности в голосе отозвался Тео.

«Порше» резко рванул с места. Итальянца всей массой вжало в сиденье. Тео принялся нервно нащупывать ремень безопасности.

– Это машина или самолет?

Рок улыбнулся. Они слетели вниз по крутому склону холма, потом Рок переключился на вторую передачу и сбавил скорость. А доехав до крутого левого поворота, надавил на газ. Секунду было тихо, а потом двигатель в полной мере продемонстрировал, на что способен. Сцепление тоже не подвело, и машину совсем не занесло, когда они преодолевали поворот на скорости восьмидесяти миль в час. У итальянца даже глаза выпучились. Однако едущая впереди машина ползла, будто улитка, и Року пришлось сбавить скорость и тащиться следом до поворота, который, впрочем, в любом случае был непросматриваемым, так что слишком разгоняться здесь было опасно.

– Ну и что за девицу ты мне на этот раз подыскал? – спросил заметно оживившийся итальянец. Автомобильные трюки Рока ему явно удовольствия не доставили.

– Будь спокоен, Тео, она моя старая знакомая. Ох и горячая штучка!

– Хорошенькая?

– Красавица! Все, как ты любишь, – рост метр семьдесят, блондинка, длинные волосы, голубые глаза, пухлые губы...

– А зовут как?

– Мэри. Да, кстати – и чувство юмора у нее отменное.

– Вот такой спорт я люблю! Это тебе не гольф, приятель!

– Начинай разогреваться, толстяк.

На самом деле ростом девушка была чуть ниже метра шестидесяти. Брюнетка, волосы подстрижены коротко, глаза карие. Звали ее Дейрдре. Если она и обладала чувством юмора, то очень хорошо его скрывала. А своего «кавалера» на эти выходные и вовсе разглядывала с самым унылым видом. У девушки на лбу было написано: при виде мужчины, которого ей предстоит ублажать две ночи, Дейрдре решила, что двести пятьдесят фунтов – слишком маленькая плата за такой тяжелый труд.

– Ты же говорил – блондинка, – понизив голос, с упреком произнес Тео, когда они направлялись в гостиную коттеджа Рока.

– Наверное, волосы покрасила, – прошептал Алекс в ответ.

– А глаза? Тоже скажешь – покрасила?

– Будешь придирааться – трахай себя сам.

– А почему бы и нет? Все лучше... – не смутился итальянец.

– Да брось, Тео. Посмотри, какая симпатичная, – соврал Рок сквозь стиснутые зубы. Решил, что в понедельник, как только вернется в Лондон, первым делом подаст в суд на знакомую владелицу агентства эскорт-услуг.

– Вечно ты мне одних уродин подсовываешь.

– Заткнись, услышит.

– Скажи ей, чтобы по саду погуляла. Хотя одно полезное дело сделает – всех ворон распугает почище любого пугала.

– Говорю же – заткнись. Что будешь пить?

– Виски.

– А ты, Дейрдре? – повернулся к девушке Рок.

– Пиво, – ответила она.

Рок отправился на кухню. Там деловито рылась в шкафчике Аманда.

– Алекс, ты тут когда-нибудь готовил?

– Кажется, один раз яйцо варил.

– В чем – в пепельнице или в пустой бутылке? Тут больше не в чем.

– В пупке у Тео.

Аманда улыбнулась:

– Где ж ты ему такую красавицу откопал?

– По-моему, Дейдре от него тоже не в восторге.

– Неужели никого получше не нашлось?

– На итальянцев весом больше центнера очередь не стоит. Приходится брать что есть.

– А по-моему, она профессионалка – если понимаешь, о чем я.

Року не хотелось признаваться, что Аманда угадала.

– Ну что ты такое говоришь? Дейдре – знакомая старого друга. Вообще-то собирался свести Тео с другой девушкой, и вот та настоящая красotka, но, к сожалению, в последний момент все сорвалось. Пришлось искать замену.

– Да уж, повезло Тео.

Коттедж Рока располагался в деревушке Клейтон в нескольких милях от Брайтона. Этот дом был указан еще в книге Страшного суда – средневековой поземельной переписи. Крошечное здание простояло семь веков, не сокрушенное никакими превратностями судьбы, но теперь ему, похоже, грозила серьезная опасность.

Через каменную стену толщиной восемнадцать дюймов доносились поистине экзотические звуки. Казалось, сначала Тео надувал огромный шар, а потом кто-то засунул ему в задницу раскаленную кочергу. А каждые семь секунд кровать сотрясалась так, будто в спальне стоял батут, на котором кувыркается рыцарь в доспехах и при полном вооружении. Во всяком случае, такое сравнение посчитали уместным Рок и Аманда. В маленьком коттедже все ходило ходуном, книги и посуда так и соскакивали с полок. Затем тишину мирной деревушки в Сассексе нарушила серия пронзительных воплей, на какие итальянец был большой мастер. Через несколько минут все стихло. Это был уже третий раз. После второго прошло полчаса, первый состоялся за час до этого.

– Похоже, наш толстяк преодолел свое предубеждение насчет брюнеток, – прокомментировал Рок.

– Я заметила, – отозвалась Аманда.

Рок обнял ее и прижал к себе.

– Тебя что, это все заводит? – спросила Аманда.

– Есть немного. А тебя?

– Нет, при таком грохоте не могу. И вообще, я устала.

– Что-то случилось? Ты весь вечер какая-то унылая.

– Нет, все нормально.

– Да брось, я же вижу – ты сегодня грустная. Расстроилась из-за этой девицы?

– Нет.

– Может, тебе Тео не нравится?

– Нет. Нравится.

– Тогда по какому поводу огорчаешься?

Повисла долгая пауза. Наконец Аманда нехотя произнесла:

– Из-за Дэнни.

– Какого Дэнни? Бенхакера?

– Да.

– Этот подонок что, названивал тебе?

– Нет. Утром мне позвонили из больницы в Уэст-Миддлсекс. Дэнни попал в аварию. На машине разбился. Еще в понедельник. Днем ездила его навещать. Представляешь, три дня был в коме, только вчера очнулся. Сейчас в реанимации лежит.

– А что за авария?

– Подробности не знаю. Сказали, Дэнни вылетел с дороги на М4.

– Мы тоже там в понедельник ехали.

– Алекс, на Дэнни смотреть страшно... весь израненный... – Аманда заплакала, и Рок прижал ее к себе. – Извини. Не хотела портить наши выходные.

– Ничего удивительного, что ты переживаешь за Бенхакера. Это совершенно естественно. Мне тоже его жаль.

Алекс наклонился и поцеловал Аманду в лоб. Между тем из гостевой спальни начал доноситься зловещий лязг.

– Знаешь, – немножко повеселела Аманда, – из твоих друзей мне больше нравится канадец, который обожает латекс. По крайней мере, шума от него гораздо меньше!

Глава 6

Где-то глубоко во мраке песчаной бури, через которую он, образно выражаясь, пробирался уже сорок лет, скрывались воспоминания о том дне, когда в его жизни произошел переломный момент. Иногда, на кушетке у психотерапевта, он отваживался краем глаза заглянуть в эту воронку, в самый эпицентр шторма, но смелости не хватало, и всякий раз он был вынужден отпрянуть.

Генерал Иссер Аарон Эфраим, глава МОССАДа, секретной службы внешней разведки, надеялся, что с годами все пройдет. Но ему уже исполнилось шестьдесят четыре, а чувство, охватывавшее при тех далеких воспоминаниях,

оставалось все таким же острым. И чувство это было ненависть, пылавшая в груди Эфраима с точно такой же неослабевающей силой, как и в тот жаркий, засушливый день, когда они с отцом ездили на рынок в Шедему. А когда вернулись к своему крестьянскому дому, обнаружили тела жестоко убитых родных. Мать, два брата, три сестры, дедушка и бабушка – все пали жертвами сирийской операции возмездия.

Еще сильнее ненависть разгорелась два месяца спустя, когда в Тель-Авиве Эфраим смотрел на отца, стоявшего на эшафоте с петлей на шее. И в чем же заключалось его преступление? Украл автомат на британском блокпосту и открыл огонь по сирийскому военному грузовику. При британском правлении подобные противоправные деяния карались смертной казнью через повешение. Именно так и поступили с отцом Эфраима.

Большую часть Второй мировой войны Эфраим был занят тем, что убивал англичан. Сначала в составе подпольной организации, ставшей известной как «банда Штерна», потом в «Иргун», возглавляемой будущим премьер-министром Израиля Менахемом Бегоном. В 1944 году, во время миссии в Германии, целью которой было освобождение израильских военнопленных, Эфраим был схвачен немцами и заключен в Аушвиц. После капитуляции Германии Бегин отправил Эфраима в Рим в составе группы с особым заданием. Приказано было внедриться в Ватикан и разоблачить служителей церкви, наладивших прибыльный бизнес с полного одобрения папы – за деньги помогали нацистским офицерам бежать и подыскивали для них надежные укрытия.

Когда в 1948 году было основано Государство Израиль, Эфраима призвали на службу в МОССАД и отправили в Сирию. По легенде, он был успешным бизнесменом, сорящим деньгами направо и налево. Позже Эфраим женился на дочери сирийского министра технологий и приобрел большое влияние, став экономическим советником сирийского парламента.

Шел седьмой год пребывания Эфраима в Сирии. Пока жена ходила по магазинам, сотрудники сирийской разведки проникли в дом с крыши, выломав дверь чердака. Эфраима застигли сидящим на корточках возле радиопередатчика и передающим еженедельную оперативную сводку в Тель-Авив.

Эфраим хотел умереть, но на такое милосердие рассчитывать не приходилось. Десяток тюремных офицеров насилует беременную жену Эфраима перед

запертой дверью его камеры и продолжал долгое время после того, как и она, и ребенок были уже мертвы. Так начались четыре страшных года, навсегда наложившие на Эфраима свой тяжелый отпечаток. Молодой надзиратель, с усмешкой мочившийся на еду заключенного, прежде чем пропихнуть тарелку между прутьями. пытки, во время которых истязатели одно за другим вырывали у Эфраима имена израильских агентов. Потом их всех арестовали и замучили до смерти у него на глазах. Единственным, что поддерживало Эфраима и давало ему силу, была ненависть ко всему арабскому народу. Ненависть такая сильная, что только благодаря ей он и выжил.

В 1958 году Эфраима и других израильских заключенных неожиданно обменяли на восемьдесят пленных сирийцев, и он вернулся на родину. После долгого периода реабилитации Эфраиму поручили бумажную работу в тель-авивской штаб-квартире МОССАДа.

В свои обязанности он погрузился с головой. Повышение не заставило себя ждать. Он стремительно поднимался по карьерной лестнице, пока наконец год назад не был назначен на высшую руководящую должность.

Эфраим женился на израильтянке, девушке по имени Мойя. У них родилось четверо детей, два сына и две дочери. Старший избрал военное поприще и уже дослужился до капитана, второй сын начал многообещающую политическую карьеру, а старшая дочь была помолвлена с сыном главного раввина, который и сам пошел по стопам отца, причем, несмотря на молодость, подавал большие надежды. Крепкая, дружная семья, уважаемое положение, многочисленные успехи и достижения – казалось, все это должно было возвести надежную стену, отгораживающую Эфраима от прошлой жизни. Однако, как бы ни наслаждался Эфраим простыми семейными радостями в редкие свободные минуты, стена, скрывающая прошлое, была не толще листа бумаги.

Глава МОССАДа медленно слез с лежавшего на животе молодого араба и осторожно, почти ласково провел пальцем по его позвоночнику.

– Жаль, – проговорил он странным, лишенным эмоций тоном, – что нам не представилось случая провести вместе больше времени... узнать друг друга лучше... А ведь могли бы стать хорошими друзьями.

Генерал Эфраим натянул брюки и прикрыл молодого человека простыней. В комнате было тихо, если не считать едва слышных звуков, доносившихся от работающего кондиционера и видеокамеры «Сони», чей двадцативосьмимиллиметровый объектив выглядывал сквозь узкую щель в потолке. В этой зловещей тишине Эфраим мерил шагами комнату с не менее зловещей улыбкой на лице. Все клокочущие внутри бурные чувства, которые временами почти брали над ним верх, сейчас утикли. Эфраим был совершенно спокоен. Приблизился к двери, остановился перед ней и присел на ступеньку. Вдруг он ощутил сильную, почти болезненную слабость. Опустил голову, закрыл лицо руками и разрыдался – сначала тихо, потом громче, отчаяннее, почти до истерики. Десять минут спустя в той же позе Эфраим заснул.

А когда проснулся, не знал, долго ли спал. Так с ним бывало всякий раз, когда он приходил сюда, не в силах удержаться. Хотя сам не понимал, что его так манит. Просыпаясь, Эфраим всегда чувствовал одно и то же – страх. Окидывал взглядом комнату, но за то время, пока он спал, ничего здесь не происходило. Камера и кондиционер продолжали тихо работать. Эфраим встал и вышел за дверь.

В конце коридора находился лифт с широкими массивными дверями, но Эфраим поднялся по высокой лестнице с каменными ступенями. Потом прошел по другому коридору и оказался в приемной, где было немного светлее. Из кабинета вышел мужчина с крайне неприятным выражением лица, которое было для него настолько привычным, что казалось, успело к нему прирасти. Что-то среднее между отвращением и скукой. Генерал достал из кармана толстую пачку банкнот и отдал этому человеку. В глаза ему при этом не смотрел. Генерал вообще старался лишний раз не встречаться с ним взглядом. Мужчина едва заметно кивнул и нажал на кнопку, открывавшую электронный замок на двери, ведущей на улицу.

Генерал вышел, захлопнув за собой дверь, и остановился на крыльце, наслаждаясь полуденным тель-авивским зноем и вдыхая горячий воздух, будто ныряльщик, поднявшийся с глубин океана. Эфраим посмотрел на небо, на жаркое солнце, на несущиеся по дороге машины, на пешеходов, на здания напротив. На все это он глядел не отрываясь, с жадностью, будто давно не был в этом городе.

На втором этаже здания на противоположной стороне улицы скрывавшаяся за жалюзи двухсотмиллиметровая линза видеокамеры была направлена прямо на генерала. Пленка исправно записывала все, что нужно. Глядя в видеоискатель,

оператор старался, чтобы в кадр одновременно попало самое важное – то есть глава МОССАДа и маленькая табличка, прикрепленная к стене в нескольких дюймах слева от него. Это было здание Хадар Дафма, и за дверью, из которой только что вышел генерал, располагался морг.

Эфраим доехал до дому на такси. В квартире никого не было. Жена и младшая дочь обычно уезжали на весь июнь в дом под Хайфой, а Эфраим присоединялся к ним на выходных. Приняв ванну, он лег в кровать и проспал до трех часов дня. А когда проснулся, был совершенно спокоен. Ненависть, достигшая такой степени, что грозила разорвать его изнутри, на время отступила. Эфраим знал, что через пару недель она вернется и снова начнет возрастать. Но на ближайшее время ему удалось ее усмирить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пар – количество ударов, которые гольфист должен совершить на одной лунке или на всем поле при удачной игре. Игл – количество ударов на одной лунке на два удара ниже, чем пар.

Купить: <https://tellnovel.com/piter-dzheyms/milliarder>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)